

Ирка Хортица и компания

Брачный сезон

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

12+

Ирка Хортица – суперведьма

Кирилл Кащеев

**Ирка Хортица и
компания. Брачный сезон**

«Автор»

2018

Кащеев К.

Ирка Хортица и компания. Брачный сезон / К. Кащеев —
«Автор», 2018 — (Ирка Хортица – суперведьма)

Эй, оглянись! Дракон идет по твоей улице! Жила-была ведьма: с друзьями-оборотнями, с ведьмовской родней, с папой... с-с-собакой страшной, крылатой. Парень к ней залетает из другого мира – дракон он. А его сестрица-змеица встречается с богатырем. Как сложатся отношения в такой непростой компании? Что случится, когда вовкулака встретит человеческую девушку с верным огнестрелом, и причем здесь хоккей? Куда затащит бесчувственное тело звездная река и получится ли дракона... съесть? Что хуже: когда на городских улицах резвятся гости из Другого Мира... или гости из Японии? И главное – чем продолжится история любви ведьмы-хозяйки и Великого Дракона?

Содержание

Змей Болотный	5
Сейчас	5
Год назад	7
Сейчас	11
Год назад	14
Сейчас	18
Год назад	21
Сейчас	27
Год назад	30
Сейчас	33
Год назад	36
Все еще год назад	41
Сейчас	43
Зимняя свадьба	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Илона Волинская, Кирилл Кашеев

Ирка Хортица и компания. Брачный сезон

Змей Болотный

Сейчас

– Мы справимся! Мы уже почти справились, папой клянусь!

Двое драконов сидели на скалах, и свесив длинные чешуйчатые шеи, наблюдали за долиной внизу. Долина горела: столбы чадного дыма поднимались там, где еще недавно красовались веселые деревеньки в окружении роскошных плодовых садов. Теперь вместо них зияли черные проплешины. Над долиной парили драконы – алые, багровые, оранжевые – они закладывали виражи, ныряя к земле, и поливали черные проплешины огнем снова и снова, прожаривая уже саму землю. Бредущие прочь люди – закопченные и оборванные – останавливались, провожая бесчинствующих драконов скорбными взглядами. Какой-то мужик яростно потрясал кулаками, посылая в небо бессильные проклятья. Выла оборванная простоволосая баба, все норовя кинуться обратно, на пепелище, а плачущие дочери цеплялись за нее, удерживая.

– Видите? – глядя на это душераздирающее зрелище, радостно возвестила громадная, белая с красным драконица. – Я же говорила, что все получится! – драконица уставилась на сплавленную огнем долину чуть ли не восторженно.

– Что по карантинным лагерям? – отрывисто бросил второй дракон, казавшийся вылитым из серебра и стали. Рядом с ним даже бело-красная его соседка казалась некрупной.

Жуткий, во всю пасть оскал бело-красной словно потух – она перестала улыбаться.

– Старики и малышня еще в зоне риска. Слабенькие они... – отрывисто бросила она. – Но мы выделили антитела... это современное человеческое оборудование – просто чудо что такое! – от полноты чувств она хлопнула крыльями – пламя, тлеющее среди деревьев на горных склонах, взвилось буйным пожаром, и яростно гудя, принялось пожирать лес. – Я очень надеюсь, что больше не потеряем ни одного человека! – и со вздохом, вновь подстегнувшим пожар, добавила. – И так уже потеряли достаточно. Но главное, мы уничтожили очаг, теперь эпидемия не сможет распространяться – новых заболевших нет со вчерашнего дня! – она подарила влюбленный взгляд вспыхивающим, как разноцветные летающие зажигалки, драконам. – Говорю же: мы их спасли!

– А что они сами говорят? – серебристо-стальной проводил взглядом печально тянущуюся прочь вереницу людей, выглядящих какими угодно, но только не спасенными.

– Ну что вы хотите, Великий Водный Айтварас Жалтис... Люди. – драконица выразительно пожала плечами – сложенные крылья поднялись чуть не до половины шеи и опустились, гоня воздушную волну – и снова раздувая пламя.

Морда серебристо-стального непередаваемо скривилась – чешуйчатая морда оказалась неожиданно выразительной.

– Где же ваше знаменитое – «человечки»? – насмешливо поинтересовалась драконица.

– Согласитесь, кирия Криза, в моем положении это было бы... несколько смешно. И очень, очень опрометчиво. – хмыкнул Великий Водный Дракон. – Придется мне, видно, стать защитником этих... млекопитающих. – и мощным взмахом крыльев он поднял себя в воздух. Расхохотавшаяся драконица взвилась следом, и оба они, равномерно работая крыльями, полетели на закат.

Под драконьими крыльями простиралась равнина, покрытая зеленью по-весеннему свежей и яркой. Сквозь буйство трав кое-где пробивались молоденькие деревца, едва-едва возвышающиеся над самой травой. Тем страшнее и безобразнее выглядели черные проплешины с курящимся над ними дымком. Иногда в них просматривались четкие квадраты, там, где некогда стояли человечески хаты. От самих хат не осталось ничего, кроме кучек спекшейся золы. Но драконы продолжали лететь неторопливо, не отрывая внимательных глаз от земли.

– Там, Великий! – вдруг вскричала Криза, взмахом крыла указывая на пятно, вроде бы точно такое же, как и другие черные проплешины. Даже поменьше...

И на глазах оно уменьшилось еще. Точно поджалось. Дружно хлопнули громадные крылья, и драконы рванули туда со скоростью, невероятной для таких громадин. Точно два стремительных росчерка прорезали небо.

Разворачиваясь на кончике крыла, Великий Водный очертил круг над черным пятном. Пятно взбурлило. Черная жижа заметалась, как живая, вскинулась и стремительно заструилась прочь. Трава на ее пути тут же чернела, превращаясь в серые высохшие прутики и осыпалась пеплом. Жижа стремительно мчалась напрямик к крохотному, молоденькому деревцу – ее черные щупальцами забурялись под корни, тянулись к свежей молодой листве, норовили обвить ствол...

– Дзанг! – водяной плевком столкнулся с протянутым к деревцу щупальцем. Черное щупальце застыло, схваченное толстой ледяной коркой, лед полз дальше, мгновенно сковывая жижу прозрачным панцирем. В самое последнее мгновение та вскипела... и из нее, пронзительно жужжа, вырвался рой блестящих зеленых мух, и ринулся прочь.

– Ах вы твари! – Великий Водныйдохнул им вслед. Широко развернувшийся веер брызг накрыл мушиную стаю. Казалось, мухи на краткий миг зависли в воздухе: раскрытые в полете крылья, растопыренные лапки с набухающими на них каплями той самой черной жижи... и прозрачные шарики льда вокруг каждой. Мгновение... и шарики стали стремительно наливаться молочной синевой, становясь непрозрачными, а потом градом посыпались вниз. Великий Водныйдохнул снова – протянувшись вниз ледяной столб воткнулся в землю и замер, посверкивая на солнце. Водный взревел – рев его прокатился над равниной, заставляя травы приникать к земле.

– Огненные тут зачистят. – рыкнул он Кризе.

Драконы заложили еще круг, другой, вглядываясь в землю.

– Если бы наднепрянская ведьма не уничтожила Мертвый лес, одной эпидемией мы бы не отделались. – проходя над самой землей, так что кончик хвоста чуть не задевал верхушки молодых деревьев, прорычала Криза. – Но спросите ее, быть может, она все же выдаст Пса Ситаргла из своего мира? Мы даже можем пообещать, что ничего ему не сделаем.

– Пообещать – можем. – с ухмылкой во всю клыкастую пасть согласился Великий Водный.

– Мы и правда ничего... такого... ему не сделаем! – искренне заверила Криза. – Просто заставим убрать все, что он натворил! Я лично прослежу!

– Подозреваю, поэтому он и рванул в мир своих злейших врагов. Особенно после твоей дуэли с Татом... С Татльзвум Ка Рийо.

– Я этого не хотела! – тоном пай-девочки отозвалась драконица и даже изобразила смущенные движения когтями.

А подумала...

«Вру. Хотела. Давно хотела».

Год назад

– Я требую, чтоб сюда явился Грэйл Глаурунг! – когти черно-красного дракона яростно впились в землю, прочерчивая глубокие борозды. – Пусть он придет! – пронзительно затрубил он.

– Грэйл Глаурунг, Великий Дракон Земли, затворился в своей Пещере. – Сайрус Хуракан, Великий Дракон Воздуха, отстраненно поглядел на буйствующего черно-красного. – Он более не участвует в делах Ирия.

– Но ведь это же он! Он все придумал, он во всем виноват! Почему его никто не вызывает на дуэль? – заорал черно-красный.

– Наш царственный брат, Повелитель Земли, избрал для себя заточение. – равнодушно обронил Великий Воздушный.

– В родной Пещере? Валяться брюхом на сокровищах, пока эта человечка... как ее там... Галька! Скачет перед ним с блюдами: «Ну зыште хочь шматочок, покы ще на драконий скелет не перетворились?» – рявкнул черно-красный.

– Уж не трусишь ли ты, Татльзвум Ка Рийо? – вокруг дракона всех цветов пламени вспыхнуло настоящее пламя, а глаза его от гнева превратились в раскаленные жерла вулкана. – Хотя чего и ждать от предателя?

– Это ты предатель, Великий Огненный Вереселень Рориг! – черно-красный рванулся, и цепь, приковывающая его за лапу к каменным стенам Змеевых Пещер, глухо зазвенела. – Ты унижаешь меня, унижаешь всех огненных! Истинному Лун, сыну Матери нашей Владычицы, драться с какой-то... человечкой! Ты слышишь, Мать-Табити? Останови это!

– Я не вижу здесь человечки! – прогудела гигантская радужная драконица, поднимая увенчанную царственным гребнем голову.

На скальном пике, едва различимая в предраассветных сумерках, застыла тонкая женская фигура. Розовеющие блики рассвета играли на ее длинном светлом платье, на небрежно разметавшихся по плечам темных кудрях. Вот женщина подняла тонкую бледную руку... и первые лучи солнца легли ей в ладонь, подсвечивая ставшие на миг прозрачными пальцы. Фигура девушки поплыла, странно и причудливо меняя очертания, разрастаясь, становясь больше, еще больше... Край солнца вынырнул из-за горизонта... и огромная, белая с красным, драконица с грохотом камнепада ринулась вниз с карниза, пронеслась над самой землей, обдавая ветром со своих крыльев, и зависла в воздухе, яростно и дерзко трубя.

– Может... и правда, не стоит? – Великий Огненный наклонился к уху радужной. – Татльзвум Ка Рийо заслуживает не дуэли, а позорной казни. И... он все же – боевой дракон, а Иппокризия – лекарь... и не имеет стихии! Ни огня, ни воды...

– Иппокризия сказала, если мы не дадим ей лично порвать глотку этому летающему червяку, она уйдет обратно в человеческий мир. – шепнула радужная.

Огненный с сомнение покачал гребнем:

– Даже если мы ее все равно потеряем, пусть хоть жива...

– Бой! – прерывая разговор, рявкнула радужная, и одним взмахом когтя перерубила сковывающую черно-красного цепь.

Татльзвум Ка Рийо, боевой дракон из личной тройки Великого Водного, взвился в воздух.

На краткий миг они зависли напротив – черно-красный и бело-красная, дракон и драконица, разные, как ночь и день. Татльзвум пренебрежительно дернул хвостом – и выпустил огонь. Иппокризия невольно шарахнулась назад – бурлящая струя пламени вскипела, пожирая воздух... и не дотянула до нее на полную длину драконьего хвоста.

– Бу! – фыркнул Татльзвум и расхохотался. Драконий хохот был похож на гул лавы в жерле вулкана. – Захотела поиграть в боевую драконицу, жалкая человечья лекарка? Сама напросилась! – и он ринулся вперед. По прямой, даже не утруждая себя маневрами.

– Фффрыххх! – плевок пламенем ударил в красно-белую. Иппокризия нырком ушла в сторону...

– А-р-р-р! – из пасти ее вырвался короткий рев, она яростно забила крыльями – новая струя пламени целила ей напрямиком в брюхо, будто Татльзвум знал, в какую сторону она станет уворачиваться. Впрочем, почему – будто? Черно-красный снова расхохотался, когда она отчаянно метнулась назад – пламя прошло на расстоянии драконьего когтя от крыла Иппокризии. Расхохотался и...

– Фффрыххх! Фффрыххх! Фффрыххх! – яростно клубящиеся огненные столбы пронзили утреннее небо. Красно-белая заметалась. Нырок влево – и столб огня, бьющий ей навстречу. Кувырок назад – и тут же резкое падение вниз, когда новый кипящий плевок прошелся по ее чешуе, заставив пронзительно завопить на все небо. Горелая отметина была видна на белой чешуе, будто сажей мазнули. Новая струя пламени, точно в бок – от нее Иппокризия сумела увернуться, ловко крутанувшись на кончике крыла.

– Не поможет! – проревел вынырнувший у нее прямо из-под брюха Татльзвум. Его распахнутая пасть оказалась точно напротив морды Иппокризии, так что она видела, как огненный шар наполняет его глотку нестерпимым сиянием...

– Банг!

– И-и-и-и! – вдруг пронзительно заверещал Татльзвум, яростно трясая головой и бесполезно разбрызгивая во все стороны языки пламени – крыло Иппокризии хлестнуло его по глазам. Черная драконья кровь, почти невидимая на чешуе, потекла на морду. – А-р-р! – полуослепший Татльзвум крутанулся на месте, непрерывно изрыгая огонь и словно заворачиваясь в неприступный кокон пламени.

Ринувшаяся было к нему Иппокризия заложила вираж, шарахаясь от бьющего во все стороны смертоносного жара. Окутавшая Татльзвума огненная завеса распалась, открыв разъяренного дракона. Чернота залила мгновенно набрякшие глаза, но видеть он мог. И смотрел он теперь только на Иппокризию – мрачно, страшно, ненавидяще:

– Человечка, тебе конец!

Иппокризия невольно попятилась в воздухе – и завопив от ужаса, метнулась прочь. Татльзвум с ревом ринулся за ней. Пламя, пламя, пламя! Огненная струя полоснула Иппокризию по хвосту, заставив качнуться в воздухе. Она тут же выпрямилась, но этой крохотной заминки хватило, чтоб Татльзвум рывком сократил расстояния. Второй – узкий и длинный – удар пламенем вонзился ей под крыло, заставив драконицу завертеться на месте. Мгновение... И тень широко распахнутых крыльев накрыла ее, заслоняя солнце...

– Он же ее убьет! – внизу, в скалах, заорал Великий Воздушный, бледнея чуть не до прозрачности, и ударил крыльями, бросая себя в воздух...

– Стоять! – лапа радужной драконицы враз стала огромной и легко придавила его к камню, не давая взлететь. – Если сейчас вмешаться, уважение она потеряет, даже если излечит потом тысячу драконов.

– Да плевать золой! – рявкнул Великий Огненный, взлетая к дуэлянтам.

– Стоять, я сказала! – надсаживая глотку, ревела Мать-Табити.

Наверху выпущенный Татльзвумом огненный хлыст захлестнул хвост Иппокризии... и рванул ее к себе. Кувыркающаяся, как семечко одуванчика в жерле урагана, бело-красная влетела прямо в его когти.

– Я тебе даже благодарен, маленькая человечшшка! – притягивая Иппокризию к себе, прошипел он в искаженную ужасом морду. – На скалы я опущусь уже не предателем, а побе-

дителем! Посмотрим, как меня посмеют осудить! А теперь – пора гореть! – он издевательски ухмыльнулся и... распахнул пасть.

– Ну посмотрим, как ты меня сожжешь! – выдохнула в ответ Иппокризия, и Татльзвум почувствовал, как по чешуе словно холод прошелся.

Коготь бело-красной торчал точно в стыке меж чешуйками, войдя глубоко, на всю длину. Черно-красный дернулся, но Иппокризия лишь крепче вцепилась в него всеми когтями... И тут пришла боль! Острая и ледяная, она пронзила Татльзвума насквозь, перехватила дыхание, заставляя подавиться собственным пламенем. Из пасти, вместо столба огня, вырвался рой мелких искр. Иппокризия зажмурилась... и звонко чихнула прямо в морду врагу.

– А-р-р-р! – заорал тот, дергаясь уже изо всех сил...

От рывка коготь бело-красной тоже дернулся вбок... вспарывая броню. Поток черной крови хлынул вниз, поливая скалы. Едва не нагнавший их Вереселень Рориг нырнул в воздухе, уворачиваясь от брызг...

– Куда ты, милый Тат, мы же только что были так близки! – рявкнула Иппокризия, бросаясь за ним. Они ударились грудь в грудь, Иппокризия всадила когти противнику в брюхо и принялась полосовать, сдирая чешую. – Сожжешь, говоришь? Это я тебя как рыбу очищу!

– Сожгуууу! – пронзительно заревел Татльзвум, выдыхая ей в морду раз, другой, третий...

Вместо пламени из пасти вылетали только клубы черного дыма и слабых искр.

– А-р-р-р! – когти Иппокризии кроили его шкуру в лапшу.

– Что ты... сделала? – отчаянно прохрипел черно-красный.

– Ну я же жалкая лекарка! Сделала, что смогла! И еще сделаю! – рявкнула в ответ Иппокризия, обвивая его шею своей.

Татльзвум замер в этом драконьем объятии. Краткий миг дуэлянты летели, точно в брачном танце: распластанные в воздухе крылья сомкнулись, шеи переплелись и только когти яростно терзали друг друга – обезумевший от боли Татльзвум всадил свои Иппокризии в бока. Она пронзительно и страшно закричала, рванулась, спуская слои белой чешуи, выгнула шею еще больше – и с размаху вонзила зубы точно ему в затылок, насквозь прокусывая гребень.

– А-р-р-рр! – новый вопль Татльзвума был настолько жутким, что летящий за ними Вереселень Рориг едва не сверзился с небес. Уже не думая о сопротивлении, Татльзвум забился в зубах противницы, но она вгрызалась все глубже и глубже, словно намереваясь прогрызть ему череп и добраться до мозга. Чудовищно переплетенный клубок из двух драконов кувырком неся через все небо.

– Нет! Не... Пусти! – заревел Татльзвум, пытаясь вырваться.

– Пуцу! – вдруг согласилась Иппокризия, разжимая когти.

Пронзительно ревуший от боли Татльзвум оттолкнулся от нее лапами – и отлетел прочь, беспорядочно махая крыльями, и кувыряясь через голову.

Шея-хвост-шея-хвост, черное-красное-черное, брызги темной крови во все стороны... Его вертело гигантским волчком, шумно бьющие крылья отчаянно ловили ветер и наконец он завис, раскинув крылья по воздушным потокам... И в этот момент Иппокризия спикировала на него сверху.

– Лекарка, значит? Жалкая? Ну, что ж, проведем операцию! – и она длинно, с оттяжкой, полоснула когтями. Прямоком по распростертым по ветру крыльям.

Перепонки черно-красных крыльев разошлись с тихим шелестом, как распадается туго натянутая ткань под острыми ножницами. Ветер со свистом ворвался в раскрытые прорехи и... заломил иссеченные в лохмотья крылья назад.

– А-а-а! – не рев – вопль вырвался из глотки Татльзвума и он полетел вниз, вниз, вниз... Иссеченные крылья трепыхались в напрасных попытках поймать высоту. Тяжелое драконье тело ударилось о скальный склон, на миг зацепилось за карниз... видно было как Татльзвум

отчаянно скребет когтями, пытаясь удержаться на гладком камне. Когти соскользнули, и он снова полетел вниз, то и дело ударяясь о камни... еще ударяясь... еще... Пока не рухнул в сверкающие воды Молочной. Река полыхнула искрами, вверх ударил столб пара... и только круги побежали по сияющей звездным серебром воде.

– Шешу меня за хвост да об стенку! – неистово ругающийся Вересельень Рориг кинулся следом. Со скал уже взмывали Великий Воздушный и Мать-Табити, со всех крыльев спеша на помощь.

Бело-красная драконица медленными, тяжелыми кругами поднималась все выше и выше, пока не легла крыльями на ветер и зависла, наблюдая как далеко внизу трое драконов ныряют в воду, выныривают, ныряют опять... Все реже. Все безнадежней. И наконец медленно летят над рекой, пристально всматриваясь в воду, точно надеясь рассмотреть унесенное течением громадное тело.

– Даже немножко жаль. – хмыкнула бело-красная драконица. Подумала... – Совсем-совсем немного! Как же он мне надоел, этот мерзкий ящеренок! Вот папой клянусь!

Иппокризия, проклятая дочь Гиппократы, драконица днем и человек ночью, устало летела к Змеевым Пещерам. Обожженные и изодранные когтями бока нестерпимо болели, кончик хвоста отчаянно пекло, от враз навалившейся усталости ломило крылья, но на душе было спокойное довольство, как от отлично сделанной работы.

Сейчас

– Правда, поговорите с ней, Великий! Пес Симаргл у нее на поводке, пусть вытащит его обратно в Ирий...

– Мы и так многим обязаны хортицкой ведьме-хозяйке. – сухо обронил Айтварас Жалтис. – Если даже остатки Мертвого Леса принесли столько бед...

Драконы снова посмотрели вниз. Чем ближе к Змеевым Пещерам, тем меньше выжженных проплешин оставалось на земле, но и те, что были, смотрелись жутко в багровых отсветах закатного солнца. Слово гнойные раны. Очередная вереница людей печально тянулась внизу, и даже обычного скарба у них не было – только младенцы на руках у матерей, да дети постарше на закорках у отцов.

– Тогда пусть хоть новое оборудование поможет закупить! – проносясь над этим горестным шествием, рыкнула Иппокризия. – Теперь есть такие штуки для анализа крови, там и лейкоциты, и...

– Стоп, стоп! – взмахом крыла Айтварас остановил ее. – У меня сейчас от ваших терминов крылья заплетаться начнут! И я не уверен, что Мать-Табити одобрит такие траты.

– Но сейчас же ее тут нет? – вкрадчиво рыкнула Иппокризия. – Великий Земляной затворился в Пещерах, Воздушному и Огненному дела нет. Вы тут главный.

– На что вы меня толкаете, кирия Криза! – хмыкнул Айтварас. – Только выбирать свое оборудование отправитесь сами.

– Я? – Иппокризия от изумления аж провалилась в воздухе. – Думаете, поставщики согласятся встретиться со мной ночью?

– Придумаем что-нибудь... например, что вы больны... какой-нибудь непереносимостью солнечного света.

– Аурр, я от него чешуей обрастаю. И крыльями. И хвостом. – согласилась Иппокризия. – Предварительные переговоры все равно вам вести. Свяжитесь с вашей ведьмой...

– Она не моя. Она своя собственная. – еще суще отрезал Айтварас. Оглянулся на приотставшую Иппокризию... и вдруг сам качнулся в воздухе. – Уж не сводничаете ли вы, кирия лекарь?

– Я? Как можно! – Криза взревела с таким искренним возмущением, что ясно было – врет. – Вы такая красивая пара. – пробормотала она. – Жалко будет, если...

– Вы увлеклись, кирия! – сквозь зубы процедил Айтварас и вдруг его пасть растянулась в коварной усмешке. – Так увлеклись моей личной жизнью, что ничего не замечаете! – и он ткнул кончиком крыла в горизонт.

Багово-красное закатное солнце словно качнулась на краешке мира... и ухнуло за скалы, погружая долину в сумрак.

– А-а-а! – пронзительно завопила Криза... и громадная бело-красная драконица камнем рухнула вниз, на лету теряя крылья, гребень, хвост, таяла, точно растворяясь, чешуя... Вниз летела отчаянно вопящая женщина в облаке раздувшегося белого платья и неистово полощущих на ветру волос. – А-а-а! Ляп...

Почти у самой земли она звучно ляпнулась на серебристо-стальную чешуйчатую спину.

– Благодарю, Айтварас Жалтис! – отстукивая зубами нервную дробь, она принялась устраиваться между зубцами гребня.

Великий Водный начал снова набирать высоту:

– Когда-нибудь вот так увлечетесь... разбиться, может, и не разобьетесь, но пешком ковылять до Пещер точно придется.

Серебристо-стальной змей со всадницей на спине пронесся над Молочной и скользнул к жерлу Пещер.

– Я подумаю насчет оборудования. – обронил он, когда Иппокризия скатилась по чешуйчатому боку на землю. Кивнул увенчанной царственным гребнем головой и втянулся внутрь пещеры.

– Кто б сомневался. – почтительно кланяясь вслед, совсем непочтительно пробурчала она. И быстрым шагом направилась в другую сторону.

Госпитальные пещеры встретили ее острым запахом антисептика. Накинув белую хламиду, похожую и на пеплос, что она носила пока отец был жив, и одновременно на монашескую рясу, быстрым шагом пошла меж выставленных в пещере коек. На койках лежали люди: мужчины, женщины, дети... Кто-то бредил, судорожно мечась в жару и бормоча невнятно, кто-то трясся в ознобе под горой одеял, кто-то тихо жалобно стонал. Вскрики, бред, запах болезни... и зеленокожая ящерица сэв, стремительно шагающая навстречу. На обычно неподвижной ящериной морде полыхала клыками довольная улыбка:

– Мы справились, кирия Криза! – размахивая стопкой бумаг, вскричала она. – Шесту мне свидетель, справились! Тяжелых еще много, но даже у них температура падает и вот... – сэв сунула свои бумаги Иппокризии под нос. – Чесотка, раздражение, язвы... все сходит на нет! У некоторых больных увеличилось потоотделение и... мы справились!

Кризю подергали за край хламиды. Она только раздраженно мотнула головой, шелестя бумагами, но подергали еще раз, настойчивей.

Она обернулась. Лежащая на койке средних лет тетка умоляюще заглянула в глаза.

– Пани змеица, а колы можно до хаты вернуться?

– Никогда. – продолжая шуршать бумагами, рассеяно обронила Иппокризия. – Сожгли твою хату.

– А... як же... – растерянно пробормотала тетка и тут же налилась дурной кровью и заорала, надсаживая горло. – Так я же ж так можно? А жить де, да с дитями? Шо ж вы, змеюки, за тварюки такие... – крик захлебнулся, она судорожно закашлялась.

Привычно, не глядя, Иппокризия сунула ей кружку с отваром.

– Все пострадавшие от эпидемии получают место для постройки и деньги на обзаведение. – устало обронила она и двинулась дальше, не переставая листать бумаги.

Тетка мгновение ошарашенно молчала, а потом завопила вслед:

– А золото? Золото теж вернут? У меня в хате под стрехою пять... десять золотых червонцев спрятано было, ще с людского мира!

– А золото – нет. – бросила Иппокризия.

– Чому?

– А потому, что тогда у твоей соседки в подполе алмазы из сокровищницы Грэйл Глаурунга окажутся. – ласково сообщила Криза.

Приподнявшаяся было на койке соседка шумно выдохнула... и недовольно улеглась обратно.

– Люди. – хмыкнула Иппокризия. – Человечки...

– Среди них и вполне приличные есть. – неожиданно возразила сэв. – Выздоровливающие нам уже помогать начинают... – и вдруг резко и властно скомандовала. – Так что идите спать, кирия!

– Спать? Но я же только превратилась и могу...

– Спать! – непреклонно скомандовала сэв. – Сейчас вы можете только спать! Мы уже прекрасно обойдемся без вас.

Криза гневно мотнула головой... ее резко повело в сторону и... она покорно кивнула и побрела прочь, на ходу стаскивая с себя хламиду. Обычно она отсыпалась в драконьем облике – что может быть приятнее, чем свернуться на верхушке скалы, подставляя чешую солнышку. Но расплодившихся на остатках Мертвого Леса зеленых мух сперва не заметили, а потом не придали значения – ведь ни драконам, ни ящерам-сэв те навредить не могли. Да и после битвы

с Великим Псом нашлось немало других, более срочных проблем и бед. А потому накрывшая человеческое население Ирия эпидемия оказалась неожиданным сюрпризом. Наполненные непрерывной работой бессонные ночи превратились в бессонные дни, и так уже... сколько? Иппокризия попыталась подсчитать и сбилась. И вправду, спать!

Дверь ее личной пещеры распахнулась, и она побрела через непривычно для здешних обитателей отделанные деревом покои, на ходу стаскивая с себя одежду. Платье упало на пол, чулки зацепились на спинку стула, белье она обронила на письменный стол, и пошатываясь, ввалилась в купальню. С шумным облегченным вздохом почти свалилась в теплый бассейн. Враз замельтешившие змеи-прислужницы разложили у бортика полотенца, стопку домашней одежды и мгновенно исчезли. Все знали, что вымотанной лекарке нужна тишина и полное одиночество.

Иппокризия опустила голову на бортик, бездумно глядя как мокрые пряди колышутся в воде, а над водой клубится легкий парок. Не такой уж легкий. И не только над водой.казалось, плотная струйка белого, но почему-то с цветными искрами, тумана выползла из спальной пещеры. Или и правда – показалось?

В соседней комнате скрипнул стул. Будто на него уселся кто-то массивный... тяжелый...

– Кто там? – настороженно окликнула Криза. Не любила она такие шорохи, еще с человеческих времен не любила. Обычно они означали, что где-то рядом затаился очередной... гхм, да, рыцарь... жаждущий снять с нее проклятье, а заодно уж – и все накопления, включая имущество движимое и недвижимое. Могли б, и чешую ее алхимикам продали... р-р-рыцари!

Ей не ответили. В спальной пещере стояла полнейшая тишина. Она еще прислушалась и покачала головой: она больше не в человеческом мире, она в Ирии, и может при желании целоваться с местными драконами хоть до распухших губ, не боясь ни потерять второй облик... ни умереть ровно через год, как сулит ее проклятье. Другое дело, что желание у нее сейчас только одно – зарыться в меха и спать-спать-спать...

Она выбралась из воды, натянула домашнюю тунику – к штанам, которые с такой охотой носили змеицы, она до сих пор испытывала смутное недоверие. Протерев волосы полотенцем, вернулась в спальню.

– Ну здравствуй, Криза. Давно не виделись. – раздавшийся из-за спины негромкий голос заставил ее резко обернуться.

– Ты! – выдохнула она, роняя полотенце...

Взметнулся туманный плащ... Короткий резкий удар опрокинул ее во тьму.

Год назад

Темнота отступала медленно. Нехотя. Отползала, шипя, как набежавшая на берег волна. Ненавижу волны. Ненавижу воду. Он согнулся пополам, задыхаясь от боли в груди и забился в кашле, выплескивая из легких воду с мерцающими в ней искрами. Чьи-то грубые, беспардонные руки тут же схватили его – он попытался ударить, но только бессмысленно взмахнул крыльями... нет, руками. Его попыток даже не заметили: перевернули, хлопнули по спине, острая, как шило, коленка надавила на живот, и он опять зашелся приступом кашля, извергая воду, кажется, разом с легкими. А потом тьма снова накрыла его с головой, и он рухнул в черную воронку, погружаясь все глубже и глубже.

Когда очнулся снова, то ощутил мягкое покачивание, как в лодке. Лежал, чувствуя себя под черным куполом неба мухой, которую накрыли чашкой. Разозлился, попытался поднять голову. Серебристо-фиолетовый свет луны заливал высокую фигуру на черном фоне небес – будто силуэт, прорезанный в черной ткани. Фигура орудовала шестом – приподнять, оттолкнуться, снова приподнять... Покачивание, плеск... Он хотел окликнуть гребца, но из пересохшего горла вырвался только невнятный хрип, усилие оказалось непомерным – боль вспыхнула сразу в шее, в спине, в груди и он уронил голову, гулко стукнувшись затылком. Вокруг клубился туман – сквозь белую пелену то и дело сверкали цветные искры. Казалось, туман клубился и у него в голове, погружая в тошнотворное забытие. Когда он очнулся в третий раз, вокруг царил тьма.

Пахло прогорклым жиром, затхлой водой и... немытым телом. Немытым телом – сильнее всего. Он брезгливо сморщился – вонючие человечки! – и попытался пошевелиться: сейчас встанет и выкинет вонючку вон. Убьет уже потом, на свежем воздухе – хуже самих человечков пахнут только их трупы. Пошевелиться получилось, встать – нет. Запах почему-то только усилился. С трудом он сумел повернуть голову: под его взглядом недавно еще густая тьма словно протаивала, сменяясь прозрачным серым сумраком, и он увидел... А что, собственно, он увидел? Он полежал, хлопая глазами. Рядом – протяни руку и коснешься, если бы он только мог протянуть руку – была... стена? Он засомневался: стена – это камень, украшающие ее самоцветы, на худой конец – дерево или глина, как в убогих человеческих поселениях... Эта стенка казалась плетеной, как туесок.

Он бы еще долго лежал, медленно моргая и также медленно ворочая в голове тяжелые, как камни, и тягучие, как патока, мысли, но на переплетённой лозе замерцали оранжевые пятна, раздался шорох – так шуршит чешуя. Но склонившееся над ним лицо было человеческим. Женским. Белая-белая кожа, будто обладательница ее никогда не была под солнцем. Такие же белые волосы – мокрые, он чувствовал капли, падающие со свисающих ему на грудь тонких, похожих на веревочки, косиц. Со смутным разочарованием понял, что женщина немолода: рука, поставившая рядом с ним плоскую с плавающим в жиру фитильком, была морщинистой, с крупными, вздувшимися венами. Женщина завозилась – он почувствовал бережные, аккуратные прикосновения. Кажется, что-то сняли с его груди – он ощутил холодок, и к резкому запаху немытого тела добавился еще и запах крови. Женщина одобрительно прицокнула языком, и исчезла – мимо заструился толстый чешуйчатый змеиный хвост. Стало светлее, потом светлое пятно заслонило человеческий силуэт и негромкий старческий голос позвал:

– Митрошка! Иди сюда, пострел!

Змеиный хвост извернулся, и женщина снова оказалась рядом.

«Никса». – понял он, морщась от отвращения – никс он не выносил: ни змеи, ни человеки. Особенно сильно не выносил после того, как эта наглая человечка, Криза, осмелилась сказать, что никсы мало чем отличаются от драконов, только у тех змеиный и человеческий облик проявляются по очереди, а у никс – одновременно.

Криза! Он вдруг вспомнил все и сразу: рассветное небо и мощные челюсти, смыкающиеся у него на гребне. И боль, беспомощность, еще более страшную от того, что ничего подобного он не ожидал! Он судорожно дернулся.

– Тихо-тихо... – зашелестел негромкий голос. – Потерпи чуток! Митрошка, ну, где ты там!

В ногах снова возникло светлое пятно – на сей раз он сумел понять, что от входа откинули плетеную из травы занавеску, впуская тусклый дневной свет. Внутри на четвереньках заполз тощий человечий мальчишка:

– Здесь я, чего орешь, старая? Если до сих пор не сдох, значит, и сейчас не сдохнет!

– Поговори у меня! Помоги перевернуть.

Его ухватили еще одни руки, на сей раз совсем неласковые, послышалось короткое хеканье... и точно мешок, перекатали на бок, так что он с размаху ткнулся носом в плетеную стенку. Маленькие, но крепкие ладошки уперлись в плечи, а смутно знакомая острая коленка – под поясницу и... он взвыл от боли, когда на спине вдруг что-то рванули, отдирая с хрустом – ему показалось, что клочок его собственной кожи!

– Тихо-тихо... – снова забормотала никса. – Воды чистой мало, повязку не размочишь, так отдирать пришлось... Сейчас перевяжу, промою, будешь ты у нас молодцом... – позади захлопало, а потом по спине прошло мокрое, холодное... Больно! Невольный стон вырвался из груди и снова женщина ласково зашелестела. – Еще чуть-чуть...

Да какие тихо, какие чуть-чуть! Он ведь помнил! Как гонял эту недодраконицу Кризу по всему небу... Пока эта тварь, не владеющая огнем, ни даже водой или воздухом, каким-то невероятным способом сумела его... нет, не победить, разве можно назвать подлость победой? Переиграть! Как она там орала – «я лекарь!» И полосовала когтями его крылья. Да как она посмела... она лечить должна, а не использовать свои знания вот так... гнусно... Ну, ничего! Он жив и... он ее золой пустит! Вот сейчас перекинется... он снова взвыл – еще одну повязку отлепили от ноги, сквозь звон в ушах тихим рокотом долетали успокаивающее бормотание никсы и короткие злые реплики мальчишки.

Он и мгновения больше не собирался это терпеть! Сейчас он превратится и уберется как можно дальше из вонючей никсовой норы, а уж потом подумает, что ему делать. Он привычно напрягся, с мимолетным злорадством представив, как разлетаются в клочья плетеные стены и низко нависающий потолок, как что-то недобро бурчащий человек отлетает прочь от разворачивающегося крыла... и пусть будет благодарен, если его походя не придавят лапой... Он напрягся и...

Ничего. Он по-прежнему лежал, уткнувшись носом в стенку, а никса и мальчишка возились с его ногами... ногами, не лапами! В груди словно ледяная змейка зашевелилась. Он напрягся еще, точно надеялся выдавить привычный и родной драконий облик на поверхность...

Ничего.

– Заживает как на оборотне! – никса засмеялась. – Только вот тут и тут... – ее холодные влажные пальцы коснулись его спины и затылка. – Сперва затягиваться начали, а теперь... – она не закончила.

– Ага! Прямо дырки... Будто клыками проткнули. – мальчишка совершенно бесцеремонно ощупал ему спину и затылок. – И на груди дыра – тоже не заживает! – снова ухватил его за плечи и встряхнул, переворачивая.

Его перекутило, как деревенские бабы перекучивают выстиранное в речке белье, и он дохнул мальчишке прямоком в лицо. Пусть огонь опалит неприспособленные для этого легкие и глотку, лишь бы увидеть, как у человеческого ублюдка вспыхнет голова, и он пронзительно заорет и замечется, натываясь на стены и свою подружку-никсу!

Из груди вырвался сдавленный хрип, тонкая ниточка слюны повисла на губе.

– Точно шилом пырнули! Или когтем... – радостно сказал мальчишка, тыча ему пальцем в грудь.

Ледяная змейка в этой самой груди разрослась в целого ледяного змея, обвив его тугими кольцами. Когтем... пырнули. Он должен был ее сжечь! Дохнуть пламенем в наглое человеческое лицо, осмеливающееся прикидываться драконьей мордой, и смотреть, как зубастая ухмылка стекает вместе с расплавленной чешуей. А потом коготь Кризы вошел ему между чешуек – и его огонь исчез. Ее зубы вонзились в гребень и в спину, в гребень и в спину...

«Это она. Я не знаю, как она это сделала, но точно – она! У меня больше нет огня, нет крыльев, я... я больше не могу стать змеем?»

– Да будь ты еще раз проклята, лекарка, лучше б ты меня убила! – содрогаясь всем телом от подступающих к горлу рыданий, заорал он.

Никса и мальчишка дружно шарахнулись – только что нависавшие над ним лица исчезли из поля его зрения, мгновенно царил тишина, потом мальчишеский голос задушенно пробормотал:

– Говорил я тебе, нечего подбирать каждого, кто на берегу валяется! Этот, вот, и сам не хотел. – физиономия мальчишки снова появилась над ним, он хмуро поглядел на лежащего. – Ты это... Не ори! Если чего не нравится, Ашша не убьет, она добрая, а я так с дорогой душой пристукну.

– Митрошка, замолкни! – Ашша склонилась, снова вода мокрыми косичками по груди. Нагло ухватила его за подбородок, покрутила голову туда-сюда, оттянула веко... и по рукам ей не дашь! Он пытался, но... рука не поднялась. Точнее, поднялась, чуть-чуть, потом обессилена упала на грязный тюфяк. – Очнулся! Конечно, больно ему, плохо, вот и несет всякую чешуйню.

«Не смей говорить с истинным змеем Лун как с равным, ты, недоразумение! – хотелось рявкнуть ему, но в пересохшем горле только заклокотало.

– Тебя же покормить надо! Митрошка, рыбу в бульон разомни и неси сюда.

– Вот еще! Мало, что ты с ним три седмицы возилась! Лучше сама съешь.

– Вот ты безголовый, чисто аримфей! Три седмицы потратила, а теперь из-за твоей жадности все ветром пустить? Ему же силы нужны! Тащи рыбу, не спорь!

«Три седмицы... – думал он, пока ворчащий мальчишка выползал наружу. – Я провалялся здесь... а кстати, где?»

– Где... я? – насилуя отзывающееся огнем горло, прохрипел он.

– Так на Болоте! – никса уложила кольца хвоста и устроилась рядом с его тюфяком, едва не упираясь белесой макушкой в низкий плетеный потолок. Сунувшийся внутрь Митрошка протянул ей парящий глиняный горшок и деревянную ложку, полоснул гостя неодобрительным взглядом и снова скрылся. – Мы с Митрошкой тебя возле протоки к Молочной нашли, на берегу лежал.

– Валялся! – из-за плетеной завесы откликнулся вредный Митроха. – Весь бульон Ашша на тебя переводила, а теперь еще и рыбу!

– Помолчи! – добродушно отмахнулась никса. – А ты ешь давай! – она нацедила в ложку рыбного бульона с плавающими на поверхности жирком и растоптанным в кашницу белым рыбьим мясом.

Он содрогнулся от бьющего в нос рыбьего запаха и хотел уж отвернуться, но тут внутренности скрутила голодная судорога, а желудок взвыл так страстно, что, попробуй он отказаться, наверное, сам бы выскочил из тела и накрыл горшок собой. И переварил. Вместе с горшком.

– Ну тихо-тихо! – засмеялась Ашша. – Ложку не откуси. Оголодал, значит, выздоравливаешь.

Бульон был теплый, жирный и... довольно противный: резкий запах не заменял почти полное отсутствие вкуса – соли не было, а плавающие на поверхности травы не спасали дело.

«Вот встану на ноги и уйду. – подумал он, пока никса бережно подносила ложку к его губам. – Если меня искали, теперь уж бросили. Поправлюсь и... пойду. Куда пойду? В Змеевы Пещеры? Да-да, в Пещеры!» – он подумал о своих покоях, всегда казавшихся ему слишком маленькими и скромными, особенно по сравнению с анфиладой залов, принадлежащих братцу Айварасу. Теперь он вспоминал их с умилением – они были уютные, и он обставил их целиком по своему вкусу, включая всякие пусть ничтожные, но забавные штучки из человеческого мира. А еще там был теплый бассейн, и пуховая перина на высоком ложе, и огромный, пышущий жаром камин. Его передернуло от гуляющего по ногам влажного холода, нестерпимо захотелось туда, домой, вызвать пару юрких змеек – а не эту вот полузмеищу! – заказать жареного мяса и горячего вина со специями...

«Я вернусь! – истово подумал он. – Надо будет – повинюсь и... пообещаю, что больше так не буду и... Мать поверит, она меня не бросит и... А если – нет? Не поверит, бросит и... зачем я ей теперь нужен, если я больше не крылатый змей? И даже вообще – не змей» – он протяжно всхлипнул, давясь бульоном.

– Ну-ну... – старая никса погладила его мозолистой ладонью по щеке. – Молодой парень, сильный... Потерпи – выздоровеешь, все у тебя будет хорошо! Тебя как звать-то хоть, больной?

– Татль... Татльзву... – давясь то ли стоном, то ли слезами прошептал он.

– Как-как? Лизун? – удивилась Ашша. – Все-таки странные вы, люди... ну пусть будет Лизун, если разобраться, имя – не хуже Митрохи. – с некоторым сомнение добавила она.

Из-за травяной занавески донесся смешок самого Митрохи.

«Никакой я не Лизун! И уж тем более – не человек!» – хотелось заорать ему. Заорать, вскочить, врезать никсе так, чтоб опрокинулась на спину, выбраться наружу из этого плетеного ящика и долго бить ногами человеческого твареныша Митроху, осмелившегося пожалеть ему своей отвратной рыбы. А потом добраться до проклятой недодраконицы Кризы и... Руки его сжались в кулаки... и бессильно разжались. Тьма, на сей раз теплая, сытая, подкралась незаметно и повлекла в глубокий сон без сновидений.

Сейчас

Она открыла глаза сразу, резко, вывалившись из беспомощности, будто ее пнули. Вокруг по-прежнему царила ночная тьма, только серебристо-фиолетовый свет луны позволял рассмотреть раскачивающуюся перед глазами... задницу. Туда-сюда, туда-сюда... Потом она поняла, что раскачивается вовсе не задница, а она сама: туда-сюда, туда-сюда... Задница просто движется: туда-сю... О Шешу с Асклепием! Она потрясла головой, пытаясь разогнать плавающую под черепом тягучую противную муть. Тягучая противная муть из черепа провалилась прямо в желудок, оттолкнулась от стенок и ринулась к горлу.

– Бле-э... – выдавила она.

– Если тебя вырвет на меня там – я оторву тебе ноги тут. – произнес знакомый голос и... ее смачно шлепнули по заднице.

«Как-то много задниц за раз» – мысли ворочались все еще тяжело и лениво, а потом вдруг прояснились, словно их тоже вышибли, вот тем самым шлепком.

Она вдруг поняла, что висит. Вниз головой, на чьем-то плече – жутко костлявом, наверняка через весь живот синяк будет. Перед глазами мелькает то та самая задница в мокрых мешковатых штанах, то едва подсвеченная лунными лучами земля. Чавк-чавк... на щеку брызнуло грязью. Она попыталась отереть лицо и только дернула руками – запястья оказались связаны впереди. Неожиданно бережно связаны – под тугими кольцами веревки оказалась подложена мягкая ткань. Хотя запястья все равно болели. И голова тоже – вся левая сторона. И только ощутив эту боль, она, наконец, все вспомнила!

– Татльзвум Ка Рийо! – с ненавистью выдохнула она.

– Иппокризия, дочь Гиппократата! – насмешливо откликнулся он. – Рад, что ты очнулась, а то надоело уж тебя тащить.

Ее толкнули под колени и с проницательным:

– А-а-а! – она кувыркнулась вниз с его плеча и... ее поймали, когда она уже летела носом в грязь. Поймали за талию. На миг они замерли, точно в танцевальном па... она с ненавистью смотрела в его выбеленное лунным светом лицо. Такое знакомое... такое ненавистное... а ведь она думала, уверена была, что избавилась от него навсегда! И вот теперь он вернулся и даже в неверном белесом свете видна мерцающая в его глазах насмешка.

Рывок... и Татльзвум снова поставил ее... даже не на тропу. А босыми ногами на собственную выставленную ногу.

– Где... куда ты меня притащил? – озираясь по сторонам, растерянно спросила она.

Вдоль узкой, покрытой липкой грязью тропы, насколько хватало глаз, тянулась черная жижа. Лунный свет серебряным ореолом очерчивал торчащие то тут, то там редкие низкорослые деревья.

– На Болото! – охотно ответил он, глядя на нее с каким-то... исследовательским интересом.

– Но... рядом со Змеевыми Пещерами нет никакого болота!

– А кто сказал, что мы рядом? – хмыкнул он и скомандовал. – Одевайся! – свободной рукой вытаскивая из мешка штаны плотной ткани и ботинки на толстой подошве. Криза подозрительно уставилась на них: и штаны и ботинки были необычными, но... где-то она такие уже видела, только не могла сообразит – где?

– Развяжи руки – оденусь. – шевеля связанными запястьями – кровь застаиваться не должна – настороженно сказала она.

Он только усмехнулся:

– Обойдешься. Давай, ножку сюда-а-а... – издевательски протянул он, подставляя раскрытые штаны...

Ее коленка резко, без замаха ударила ему в нос. Она сразу поняла, что он увернулся – не хрустнуло же ничего! – но хватка его на миг ослабла и... она резко кувыркнулась назад, прямо из его рук уйдя в невысокое сальто. Чвяк! – босые ступни впечатались в землю, стопы охватило отвратным мокрым холодом... и со всех ног она кинулась прочь.

– А-а-а!

Ступня поехала, скользя в мокрой грязи, поверхность земли раздалась под пальцами, хлюпнуло... и она провалилась. В бездну.

– А-а-а! – новый рывок, и ее выдернули обратно, на тропу.

Она стояла, тяжело, со всхлипом дыша, и с ужасом озиралась по сторонам. Вокруг булькало, вздыхало, хлюпало... громко, будто бич хлестнул, лопнул выдувшийся почти у самых ее ног пузырь, и оттуда, шелкая челюстями, выскочила мелкая чешуйчатая тварь и метнулась к Кризе.

– Дзанг! – ударом ноги в тяжелом ботинке Татльзвум сшиб тварь в прыжке. Та завизжала и плюхнулась прямиком в булькающую у самой тропы густую, как смола, жижу. Вынырнула, мерзко шипя и скаля острые, как шилья, клыки, вскарабкалась на свисающую ветку низкорослого деревца. И засела там, поблескивая тусклыми, как гнилушки, глазками.

Криза почувствовала, как в желудке у нее ворочается тяжелый липкий ком ужаса.

– Это Болото. – наставительно сказал Татльзвум. – Тут босиком никак, здешние твари ногу перегрызают в три укуса.

– Т-тебе-то какая разница? – невольно дрогнувшим голосом отозвалась Криза. – Ты же меня убивать приволок.

– Тем более надо одеться: а то начну убивать, а ты без штанов. – серьезно сообщил он.

– В доме моего папы все ходили без штанов. Тогда и штанов-то никаких не было. – пробормотала она, не способная оторвать взгляд от затаившейся на ветке твари. Еще б ведь чуть-чуть... и эти зубы впились ей в ногу. А не для того ли Татльзвум ее сюда приволок? Вполне в его духе. От страха снова затошнило.

– Ну хватит! У меня слишком мало времени, чтоб с тобой возиться! – рыкнул Татльзвум.

Конечно, мало, потому что когда наступит рассвет она снова превратится в дракона – и тогда ничто не спасет его от ее клыков! Поэтому... дожить до рассвета он ей не даст.

– И-и-и! – ее приподняли за талию, так что ноги взбрыкнули в воздухе... и ловко вдели в одну штанину, в другую... ухватили за пояс и встряхнули – Криза провалилась в штаны, как в мешок. Мгновенное прикосновение – штаны оказались застегнутыми, а сама Криза красной, как вареный рак.

– Обувайся! – скомандовал он, бросая перед ней ботинки и толстые вязаные носки. И тряпку, чтобы вытереть заляпанные грязью и болотной жижей ступни! Надо же, какая продуманность и заботливость!

Криза молча продемонстрировала ему связанные руки.

– Пальцы у тебя свободны. – отрывисто бросил он и по враз помрачневшему лицу она поняла, что шутки закончились. – Если быстро не обуешься – потащу босиком.

«Значит, прямо сейчас не убьет!» – с трудом орудя связанными в запястьях руками, лихорадочно думала Криза. Надежда едва заметно шевельнулась в груди: и тут же была жестоко подавлена. У Татльзвума мозги давно в золу спеклись, иначе не ввязался бы он в заговор и предательство, но... не настолько же он глуп, чтобы позволить ей дожить до рассвета и превратиться?

– Руки подними! – затяжную петлю набросили ей на плечи, опустили до талии и там затянули. Татльзвум подхватил что-то с земли и зашагал, не оглядываясь. Веревка на талии Кризы натянулась и ей пришлось поспешить следом, как собачке на поводке. – Идти точно за мной, шаг в шаг, если не хочешь ухнуть в трясины. Выдернуть я тебя, конечно, выдерну, но

время потеряем. А может и еще кое-что. Ногу, например. Твою. А нам опаздывать нельзя. – отрывисто бросил он, ускоряя шаг так, что ей пришлось почти бежать.

– Куда? – настороженно спросила Криза.

Как она и ожидала, он не ответил, только зашагал быстрее, резко отмахиваясь рукой с... с...

Криза встала как вкопанная и даже уперлась подошвами в грязь:

– Это... это что? – она ткнула пальцем в «докторский» саквояж, еще в начале прошлого века привезенный самой Змееногой Владычицей из очередной вылазки в мир людей. Да так и прижившийся: содержимое менялось, а вот сам потёртый саквояж оставался неизменным и всегда стоял в ее спальной пещере. До сего момента стоял. Пока не оказалось, что Татльзвум Ка Рийо прихватил из пещеры не только лекарку, но и лекарский саквояж.

– Я не буду тебя лечить! – мрачно глядя исподлобья, выпалила Криза, когда Татльзвум раздраженно обернулся к ней. – Слышишь? Не бу-ду! Просто потому что не знаю – как! Я нашла как это сделать, а как вернуть обратно... нет такого способа!

Возможно, это было глупо. Следовало обещать, тянуть время и ждать, ждать, ждать рассвета... Только чешуйня все это! Татльзвум же не уговаривать ее будет, а... Она с ужасом подумала, что он сделает с ней за долгую-долгую ночь... чтобы с первыми проблесками рассвета все равно прикончить. Лучше уж сразу...

– Значит, все-таки ты. Ты лишила меня драконьего облика. – устало сказал он. – Впрочем, я и не сомневался. – и он снова зашагал дальше.

Веревка натянулась, и чтоб не свалиться в грязь и не волочиться за ним следом, Кризе пришлось сорваться с места.

– Я не буду лечить! Не смогу! – едва не врезавшись ему в спину, выкрикнула она.

– Посмотрим. – не оглядываясь, буркнул он.

Год назад

Ползти на четвереньках было унижительно, не ползти – невозможно. Об этом он мечтал с того момента как в первый раз пришел в себя. Если бы он мог дышать огнем, то давно бы уже спалил плетеный потолок, а так оставалось лишь глядеть в него с ненавистью и пытаться «разбудить в себе дракона». Получалось, только как человеки говорят – «в переносном смысле». От бурлящей в душе ярости иногда становилось трудно дышать. В нормальном же, драконьем смысле – чтоб крылья-гребень-хвост – не выходило. Отметины клыков на затылке, позвоночнике и груди не заживали. Не болели, не кровоточили... и не закрывались. Остальные раны затягивались потихоньку, оставляя по себе кривые длинные рубцы. Ашша говорила, что рубцы как раз почти незаметные, а скоро станут и вовсе не видны, но что б она понимала, змея недоделанная!

– Вылезай уже... Лизун! – глядя на него как всегда мрачно, буркнул Митроха. – Осточе- шуело из-за тебя на палубе спать! Только под крышу сунешься, так Ашша шипит: «Там боля- щшшший...»

И тогда Татльзвум пополз наружу быстро-быстро: надо было торопиться, пока поганый человечек не сообразил, что сейчас его будут бить! И за Лизуна, и за... он всерьез думает, что Тат позволит человечку спать рядом с собой?

Он ринулся вперед, запутался в занавеске, его дважды хлопнуло по голове, осыпав мел- кой травяной пылью и какими-то жучками и... вывалился на... на... Он даже забыл о твердом решении покарать хихикающего Митроху, так его поразило то, что он увидел! Он и впрямь был на... на палубе? Иначе как назвать сплетенную из лозы площадку странной формы лодки – плоской, с невысокими округлыми бортами, словно обрубленной кормой и лишь едва заметно выступающим вперед носом. Лодка покачивалась на подернутой зелено-коричневой ряской черной жиже – жижа вздыхала, похлопывала, пускала пузыри и время от времени тянула клей- кие щупальца, будто пытаясь взобраться на борт. Не вставая с четверенок, он аккуратно глянул через низкий борт. На него уставились глаза: десятки маленьких, кровожадных глазок – их обладателей не было видно сквозь густую болотную жижу, зато понятно, что за мысли бегают там, в головах: вот только наклонись, вот только приблизься... уж мы-то тебя не упустим! Татльзвум злобно уставился в ответ: сейчас он дохнет огнем и... надо узнать, каковы эти гла- застые на вкус?

Глаза дружно моргнули... и исчезли прежде, чем он вспомнил, что дохнуть огнем не сможет.

– Ха! Дракон – всегда дракон! – гордо вскидывая голову, тихонько хмыкнул он. От этого самого гордого вскидывания голова закружилась, и он чуть не растянулся на плетеной палубе. Услышал Митрохино хихиканье и цепляясь за бортик, начал медленно подниматься. Наконец выпрямился в полный рост, шатаясь от слабости, но любопытно вертя головой по сторонам. Насколько хватало глаз, точно такие же лодки качались на болотной воде, а по ним стояли, сидели, лежали, ходили, ползали, и даже перепархивали... существа. Татльзвум едва удер- жался, чтоб снова не потрясти головой. Казалось, что здесь собрались все ирийские твари! На соседней лодке зеленый ящер сэв, в одной безрукавке на чешуйчатое тело, насаживал заплатку на штаны, кажется, состоящие из одних лишь заплат. С другой стороны парочка петухоголо- вых и змееногих абраксасов, кажется, ссорились, гневно подкукарекивая и наскакивая друг на друга. Морской воин зитирон с фырканьем и плеском вынырнул из черной жижи, вскараб- казался на борт – абраксасы немедленно прекратили ссору и принялись деловито обирать с него тех самых глазастых тварюшек, вцепившихся в непробиваемую зитиринову чешую. Обобрали и потащили куда-то, зитирон немедленно нырнул обратно. Еще дальше коненогий корнут раз- дельвал чью-то тушку, походя накалывая отрезанные куски на собственные рога, а безголо-

вый аримфей пускал голодные слюни из пасти на животе. Татльзвум снова едва не свалился за борт – катая одинокий глаз в треугольной глазнице, на него пялился самый настоящий зубастый сыроед! А ведь он сам, своими руками, вырезал это питающееся разумными существами мерзкое племя, когда... когда выдавал себя за своего треклятого братца Айтвараса перед его трижды треклятой ведьмой!¹

– Я им всем еще покажу... и Айтварасу, и ведьме, и Кризе, особенно Кризе! – прошептал он, стискивая кулаки.

– Это ты, что ли, Лизун? – раздавшийся за спиной ленивый голос... нет, скорее ленивый рев, заставил Татльзвума вздрогнуть и обернуться.

Перед ним, закрывая широченными плечами заходящее солнце, стоял человеко-тур: на широких человеческих плечах сидела рогатая бычья башка. Точно такой же, как тот, что уничтожил братец Айтварас перед битвой с Прикованным!² Тату даже на миг показалось, что тот же самый, но это было невозможно... это в любом случае было невозможно!

– Вы ж все сдохли! – выпалил он, и по тому, как тур наклонил рога, а из широких ноздрей вырвались две струйки пара, понял, что пожалуй, этого не стоило говорить. – Ну, твари... создания... те, кого сделал Прикованный! Когда ведьма уничтожила Мертвый Лес...

Тур начал рыть человечесьей ногой плетеную палубу, лодка качнулась и Тат смолк. Хотя что может эта тварь сделать дракону? Да он таких целыми стадами... стаями... одной левой лапой...

– А я вот – не сдох! – прогудел человеко-тур, недобро уставившись на Татльзвума маленькими, налитыми кровью глазками. – Может, потому, что живым был, не дохлым, когда меня в Мертвый Лес притащили. Тебе что-то не нравится, Лизун?

– Я не Лизун! – вскинулся Татльзвум.

– Лизун! – прогудел тур, окидывая его долгим взглядом – от впалых щек до тощих босых ног. – Вот смотрю на тебя и вижу – Лизун как есть! Эй, народ! – его густой бас прокатился над лодками, заставив суетящихся тут и там существ замереть, прислушиваясь. – Солнце садится! Тащите кто чего добыл сюда! Тут сегодня делить будем. – он хозяйским взглядом окинул лодку.

Затаившийся у борта Митроха скривился, но тут же отвернулся, пряча лицо. Человеко-тур неспешно отправился на нос лодки, где и уселся, широко расставив ноги и уперев кулачищи размером с детскую голову в человечьи, но по-бычьим толстые бедра.

Из-за спальной «плетенки», длинной и узкой, как пинал, выскользнула Ашша с горшком в руках, и с поклоном протянула его туру. Тот пристроил его на колени и принялся пальцами выбирать рыбу, время от времени морщась неодобрительно, а то и выбрасывая куски за борт.

Переступая и перепрыгивая с лодки на лодку, на палубе начал собираться местный народ. Татльзвума в очередной раз затошнило – каждый, ступающий на палубу, раскачивал лодку все сильнее и сильнее. Когда через борт неуклюже перелез здоровяк макровит с львиной гривой, пришлось схватиться, за что попало, чтоб не вылететь за борт. Чем попало оказалось развернутое, как парус, ухо энатокета – громадное, так что им укрываться можно, оно свисало бахромой изуродованной плоти. Будто когда-то это ухо пытались отгрызть. Энатокет дернул ухом, мрачно глянул на Татльзвума, но скандалить не стал.

Ашша торопливо заползла сверху на их спальный пенал, затащив за собой Митроху, а на освободившееся место посреди палубы прибывшие сваливали мешки и корзины. Наконец, последний туесок с чем-то мерзко пахнущими и извивающимся занял свое место и над болотом воцарилась тишина. Местные просто стояли и ждали. В молчании было слышно как человеко-тур, чавкая, жует рыбу. Шумно облизывается. Шарит пальцами в горшке. Переворачи-

¹ Илона Волинская, Кирилл Кашеев «Спасти дракона»

² См. Илона Волинская, Кирилл Кашеев «День рождения ведьмы»

вает и стучит об дно, сливая остатки жира в широко раззявленную пасть и наконец небрежно бросает горшок за борт, в болотную жижу. Судя по скрежету, там его начали грызть.

– Так, что тут? – человеко-тур неспешно присел рядом со сложенной на палубе добычей. Горшок со слабо светящимися водорослями отставил в одну сторону. Корзину с еще бьющейся рыбой – в другую. Поднял на весу плетеный короб – изнутри доносилось негромкое жужжание, прикинул вес на ладонях – жужжание стало громче, отчаяннее...

– Вовремя это ты рой снял. – одобрительно кивнул тур.

Макровит радостно заулыбался.

– Завтра на обмен понесем. – короб отправился к водорослям.

– Что там? – шепотом спросил Тат, дернув энатокета за изуродованное ухо.

Ушастик выдернул ухо из его пальцев, закинул за спину, поглядел недовольно, но все-таки буркнул:

– Мертволесские мухи.

– Зачем? – изумился Тат, на что получил в ответ еще один грозный взгляд и энатокет отвернулся.

Мухи отправились к водорослям, а человеко-тур начал споро раскладывать принесенное в две стороны: та кучка, что с мухами и светящимися водорослями оказалась поменьше, вторая – с рыбой, лишайниками, ползающими в решетке червями, и прочей, видать, съедобной живностью – побольше.

– Ты, ты и ты... – наконец человеко-тур ткнул толстым пальцем в парочку человек и зитирона. – Отнесете на мою лодку. – с довольным видом он кивнул на меньшую кучу.

Выбранная тройца безропотно принялась таскать отложенные короба с лодки на лодку, а остальные, довольно загудев и очевидно расслабившись, принялись выставлять перед человеко-туром плетеные туески. Соскользнувший с крыши спальной «плетенки» Митроха торопливо добавил к ним свой короб. Татльзвум невольно кивнул: ясно, намечается раздел добычи. И оценивающе прищурился на человеко-тура – а неплохо устроился, тварь Прикованного!

Тот для начала отложил в отдельный, изукрашенный короб лучшую рыбу, лишайники... в червях поковырялся и побрезговал (Татльзвум бы тоже не стал!), и снова отправил отобранную снедь к себе. И наконец начал неспешно и придиричиво оделять едой народ. Немного червей в один туесок, в другой, в третий... Сыпануть горсть лишайника туда и сюда... выделить по рыбине... Туески наполнялись неравномерно, заставляя одних довольно кивать, а других – хмуриться. Но все молчали, только макровит растянул толстые губы в счастливой усмешке, когда в его туесок плюхнулась лишняя рыбина.

– Все! – отряхивая широкие, как лопата, ладони, человеко-тур поднялся. – Варите, жрите, спите – и чтоб тихо мне!

Тат поглядел на туески и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота... и одновременно желудок откликается пронзительной голодной трелью.

Народ негромко загомонил – руки, лапы и щупальца потянулись к туескам...

– А... Ашше? – дрожащий от обиды голос Митрохи прозвенел над болотом. Человечий мальчишка стоял, прижимая к груди едва на треть заполненный туесок. – Ашше как же? Вчера на треть меньше дали, нынче так и вовсе... на одного не хватит, а нас трое!

– Ишь ты! – негромко хмыкнул соплеменник Ашши, молодой никс с ободранной чешуей на хвосте и шрамом через всю щеку. Непонятно только – одобрительно или осуждающе. – Вступается малой за старую да пришлого!

Тур медленно обернулся к мальчишке:

– Ашша твоя – не наработала. – тяжело отрезал он. – Ты – насобирали на половинную долю. Ее вы и получили. – и ступил на бортик, собираясь покинуть лодку.

– Ашша лечит! – отчаянно заорал Митроха. – Скажи, Ирчун? – он повернулся к ящеру сэв. – Когда тебе глазастые шкуру прокусили, кто тебя на ноги поставил? А ты? – Митроха

установился на макровита. – Когда ногу багром пропорол, вот тут у нас на тюфяке валялся! – он ткнул пальцем в плетеный «пенал».

Макровит тихонько всхлипнул и обиженно поглядел на Митроху – вспоминать ему явно не хотелось.

– Нынче есть тут больные? – тур обвел тяжелым взглядом притихший народ. Никто не откликнулся, все отворачивались, боясь встретиться с ним взглядом. – Есть больной – есть ей доля. – отрезал он. – А нынче никого твоя Ашша не лечила.

– Она травы лечебные собирала, и...

– Вот пусть свое сено и жует! – он демонстративно оскалил длинные, острые, совершенно волчьи клыки, намекая, что уж сам-то сено жевать точно не станет. – Пришлого ее подбирать тоже никто не заставлял. Хочет чужаков тащить – пусть сама и кормит.

– Так... разве остальные сюда не также попали? – вдруг подала голос молчавшая до сих пор Ашша. – Пикчу из трясины выдернули. – она указала на маленького, в половину человеческого роста мужичка в высокой шапке. – Ухан сам пришел, когда ему ухо на Торжище поместили...

– Ну и нечего поминать, тут я не ворую. – недовольно буркнул энакет.

– Да и ты... – старая никса внимательно поглядела на человеко-тура. – Сюда ползком приполз: и лечить пришлось, и откармливать.

Тур заревел – громко, надсадно, яростно. С размаху бухнул себя кулачищем в грудь и в один шаг преодолел расстояние до плетеного «пенала». На миг его налитые кровью глазки оказались на одном уровне с сидящей на крыше никсой... а потом его громадная ручища ухватила старуху за горло, приподняла... и затрясла так, что змеиный хвост никсы закачался в воздухе.

– Никогда! Чуешь, никогда! – он снова встряхнул старуху. – Не смей со мной спорить!

– Хррр! – никса захрипела, царапая слабыми пальцами руку человека-тура.

– Пусти! Пусти Ашшу! – завизжал Митроха, бросаясь к туру.

Тот рывкнул – и другой рукой отшвырнул мальчика, так что тот приложился спиной об бортик. Ставшие вдруг багрово-алыми глаза тура жутко выкатились из глазниц, язык свесился меж клыков, он с упоением глядел как лицо Ашши синеет, и как она все слабее пытается разжать его пальцы на своем горле.

«А ведь он ее сейчас убьет. – понял Татльзум. – Я останусь без лекаря, без еды, без драконьего облика, не зная дороги с болота, в этом сборище тварей, которым на меня хвостом махать. Даже тем, у кого хвостов нет.»

Резкий толчок с места – он взвился в воздух и обрушился на тура всем телом. И сам рухнул к его растоптанным сапогам, задыхаясь от мгновенно накатившей слабости. Бугай пошатнулся не столько от удара, сколько от удивления, и разжав пальцы. Ашша с шумом шлепнулась на плетеный настил, хрипло, со стоном задышала. Тур изумленно поглядел на успевшего подняться на четвереньки Татльзума, и толстые бычьи губы растянулись в зловещей усмешке, открывая волчьи зубищи.

– Ну да, пришлый... – ухмыльнулся тур... и замахнулся, пнуть Татльзума ногой в живот.

Тот перекатился по палубе, уворачиваясь от удара. Не встретив сопротивления, тур провалился в собственный удар. Кто-то пнул Тата под зад, снова выталкивая на середину, но он стремительно изогнулся и вскочил. Стиснул кулаки. Что может этот тупой бык противопоставить настоящему воину-дракону? Превратиться бы... он даже замешкался на мгновение, представляя как вспыхивают под его огнем жалкие лодчонки и мечутся, вопя, здешние твари...

Летающий ему в голову кулак быкоголового он заметил в последний момент. Увернуться уже не успевал, лишь отдернул голову. Удар прошелся вскользь, но даже от него повело в сторону и зазвенело в ушах.

– Бей его, тур! – заорали из толпы. – Бей! Бей! Бей!

«Ах вы ж... человечки! И прочие!» – захлебываясь яростью, Тат кинулся на тура.

Тур раскрыл лапищи – каждая как бычий окорок – и принял противника в объятия.

Татльзвум почувствовал как плечи его точно в тисках зажали. Захрустели ребра. Под напором бычьих лап плечи сдвигались все ближе и ближе...

– Ах ты ж... – только и смог прохрипеть Тат и... резко развел руки.

И чуть не заорал от восторга: драконий облик он, может, и утратил, но крылатые змеи всегда были сильнее людей... и сильнее тварей Прикованного... и сильнее всех... Под напором Тата турова хватка разомкнулась. Тат ударил коленом. Попал куда-то в живот, тур захрипел и даже пошатнулся...

– Нечестно! Не по правилам! – заулюлюкала толпа.

«Тут мои правила!» – выдохнул Тат, глуша поганого быка кулаком по затылку...

Тур резко вскинул башку. Острый рог пропорол Тату руку. Брызнула кровь, он заорал, отпатываясь. Выставив рога, тур ринулся на него. Тат метнулся в сторону, спасая живот от нацеленных рогов. Вопящая толпа метнулась в сторону – лодка резко качнулась. Подскочивший Тат попытался отвесить туру пинка – перелетит через борт и все будет кончено...

С неожиданной для такой туши скоростью тур повернулся. Нога Тата врезалась в подставленную ручищу, тур ухватил его за ступню... рванул. Змей хрипло завопил, не пойми каким чудом сумел кувыркнуться... чтобы следующий удар нагнал его в кувырке. Громадный кулак возник откуда-то сбоку, медленно, словно пробиваясь сквозь вязкий кисель, пошел навстречу... врезался в живот, заставляя сложиться пополам. С хрустом Тат рухнул на плетеный настил... попытался вскочить...

Громадная ножища поднялась над ним и... с размаху опустилась на спину. Точно на незаживающую рану в позвоночнике. Тат закричал – страшно, пронзительно. Острая, кинжальная боль раскатилась по позвоночнику, отдалась в пятки и выстрелила в голову. Под черепом точно колокола зазвенели и жуткая, оглушительная слабость накрыла его, позволяя только слабо подергивать руками и ногами.

Подскочивший тур сгреб противника в охапку и... поднял над бортом.

Черная жижа вскипела, оскалившись множеством зубастых челюстей. Тур расхохотался и...

– Летят! – пронзительно заорал кто-то. – Летя-я-ят!

Тур разжал руки, роняя Татльзума на палубу, и заорал еще громче:

– Лодки под деревья! Быстро-быстро! Кто замешкается – сам утоплю!

Его громадные лапищи исчезли из поля зрения, плетеная палуба задрожала от топота множества ног, лодка закачалась.

– Митроха! Скорее... кхе-кхе-кхе... Скорее! – где-то над головой прохрипела Ашша.

Резко скрипнула уключина закрепленного на носу шеста, лодка снова дрогнула и дергаными рывками двинулась куда-то. Тат застонал и перевернулся на спину. И прежде, чем лодка нырнула под кроны торчащих из воды низкорослых деревьев, успел увидеть, как в вышине на фоне багрового закатного неба неспешно плыл драконий клин. Внутри него все скрутило от боли, только вот болели не раны и не разбитый живот.

– Эх ты, дурень! Как есть дурень! – над головой закачались ветки, руки старой никсы ухватили его подмышки, хвост обвился вокруг пояса, и Ашша снова поволокла его на тюфяк. – Лечила тебя, лечила, а ты вот опять... Меня спасти кинулся. – она смущенно хмыкнула и погладила его кончиком хвоста по щеке. – Надо же!

«Тупая недозмея! – хотелось заорать ему. – Мне огнем чихать на тебя! Слышишь, чихать!»

Но никса уже привычно ворочала его с боку на бок, перетирая что-то между пальцами... Он во все глаза уставился на рассыпающиеся в труху крылышки зеленых мертволесских мух!

– Зачем... это? – прохрипел он.

– Думаешь, чем я тебя лечила? – точно также в ответ прохрипела Ашша. – Травами... и вот этим! – и она принялась размазывать давленных мух ему по животу. – Опухоли вытягивает, синяки... Повезло нам, когда они на нашем болоте плодиться стали. – она потеряла выпачканным в мухах пальцем ссадину на его скуле. Позвала. – Митроха, иди сюда! Погляжу, что у тебя там со спиной!

– Занят я! – пихая перед собой туесок, Митроха заполз под крышу. – Чуть не потоптали все, твари ногастые, еле спас. – он запустил пальцы в короб, вытаскивая оттуда горсть червяков. – Держи, Аш...

Тат резко сел на постели. Выдохнул, переживая короткий всплеск боли. Протянул руку... и сцапав с ладони Митрохи червей, сунул себе в рот.

– Эй, ты что делаешь!

Татльвум молча отпихнул сунувшегося к нему мальчишку, вырвал туесок у него из рук, и мрачно нахохлившись, принялся жадно пожирать все, что там было. Внутри он старался не смотреть, только запускал пятерню раз за разом, и жевал, жевал...

– Ты! Лизун! Гад такой! Отдай! Это Ашшино! – надрывался Митроха.

– Оссоставь. – мучительно сглатывая, едва слышно прошипела старая никса. – Он выздоравливает. Ему нужны силы.

«Да. – скребя пальцами по пустому дну туеска, думал Тат. – Мне нужны. Мне.»

Сейчас

– Залезай. – скомандовал Татльзвум.

Криза остановилась, тупо глядя ему в спину. Спроси ее, сколько они шли – час, или два, или три, она бы не ответила. Идти оказалось неожиданно тяжело. Невероятно тяжело. Черная грязь липла на подошвы, ботинки быстро отяжелели, и отдирались от тропы с громким мерзким чвяканьем. Скоро она начала пошатываться, а пару раз нога сорвалась с тропы. До сих пор горло пересыхало от страха, стоило вспомнить как алые глазки живущих в болотной жиже тварей двинулись в ее сторону. Оба раза Татльзвум, не оглядываясь, будто видел спиной, выдергивал ее обратно. Но темп не сбавлял, заставляя Кризу с колотящимся от ужаса сердцем вприпрыжку бежать за ним. Выходит, потеряв драконий облик, силу и выносливость он сохранил? Она с любопытством глянула ему в затылок... и поняла, что смотрит уже в лицо – Татльзвум обернулся.

– Залезай, кому говорю! – нетерпеливо повторил он и видя, что она все также непонимающе смотрит на него, подхватил за талию. Криза коротко взвизгнула... и поставил на дно узкого легкого челнока. – Садись! – коротко скомандовал он, и Криза послушно плюхнулась на носовую скамью.

Татльзвум ступил следом – лодка даже не качнулась – пошарил у борта и выпрямился на корме уже с длинным шестом в руках. Оттолкнулся – челнок резко стронулся с места и на удивление быстро и легко заскользил по густой болотной жиже.

– А... а куда мы едем?

Залитая серебристым светом черная равнина простиралась во все стороны, насколько хватало глаз. Торчащие из жижи искореженные низкорослые деревца казались жуткими чудовищами, караулящими добычу, и Криза даже не удивилась, когда ветви ближайшего дерева судорожно дернулись... и выстрелили в ее сторону. Не удивилась, не испугалась, ничего не успела понять...

– Падай! – рявкнул Тат, и она рухнула на дно челнока.

– Банг! – шест свистнул над головой... и замер, когда похожая на щупальце гибкая ветвь обивалась вокруг.

Дерево напряглось... Татльзвум тоже напрягся... Мгновение они застыли, перетягивая шест... Рывок! Дерево дернуло к себе, потащив лодку прямо в гущу вскинувшихся ветвей. Криза пронзительно завизжала, увидев на каждой ветке яростно шелкающую зубами пасть.

– Отпускай! Отпускай! – заверещала она, но Татльзвум застыл, крепко держась за шест... оцепенел от ужаса?

На четвереньках Криза метнулась к нему: повалить, отобрать шест, спастись...

Лодчонка с размаху врезалась в узкий древесный ствол и... в тот же миг он вспыхнул, весь охваченный огнем. Дерево заорало: страшно, пронзительно. От ввинчивающегося в уши визга вскипали мозги, а беспорядочно дергающиеся ветки-щупальца с силой оттолкнули оказавшуюся такой опасной дичь. Раскачиваясь с борта на борт, челнок стремительно понесся прочь по черной жиже. Цепляющаяся за скамью Криза только смотрела как в ночной тьме хищное дерево пылает яростным желто-алым огнем.

– Туда, где удобнее. И безопасней. – балансируя на корме с шестом в руках, сказал Татльзвум.

– Что? – Криза обернулась, нервно облизывая враз пересохшие губы.

– Ты спрашивала, куда мы едем. – напомнил он.

– Ты... ты не можешь дышать огнем! – глядя на него широко распахнутыми от изумления глазами, выпалила она. – Ты не должен!

– Ну если не должен... то и не дышу. – в его словах прозвучала едкая горечь. – Но зато могу пользоваться вот этим! – и он бросил ей прямо в ладони что-то небольшое, коричневое, пахнущее прелью.

Криза невольно поймала это самое нечто связанными руками, и вскарабкавшись обратно на скамью, принялась рассматривать.

– Это гнилушка. – разочарованно протянула она.

– Это гнилушка-огневушка. – покачал головой Татльзвум. Бег разогнавшейся лодки начал затихать и он снова взялся за шест. – Сожми ее: чуть-чуть, аккуратно...

Криза покорно чуть шевельнула пальцами... Внутри пористой, пачкающей пальцы гнилушки затеплился крохотный огонек, а потом медленно начали распространяться волны тепла, приятно грея кончики пальцев.

– А если стиснуть посильнее, столб пламени будет... не как от дракона, конечно... но как от человеческих огнеметов.

Человечьих огнеметов Криза никогда не видела, но поторопилась разжать пальцы.

– Хищные деревья хорошо горят, особенно старые – они жиром своих жертв до кончиков веток пропитываются, вот и... – блуждающая на его губах усмешка не позволяла понять – то ли он так жутковато шутит, то ли и вправду... но Кризу передернуло.

– Сожми чуть-чуть и сунь под рубашку. – заметив эту ее дрожь, велел Татльзвум. – Скоро станет совсем холодно... – он кивнул на клочья редкого тумана, неторопливо сгущающегося над водой. Криза глядела на туман с подозрением: точно такие же клочья недавно выползали из ее спальной пещеры... а потом там оказался Татльзвум!

По ближайшему туманному облачку пробежал уже знакомый радужный отблеск... облачко разросло и от него потянуло влажной стужей. Она опасливо покосилась на гнилушку, подумала... и действительно засунула ее под подол рубахи. Потянуло мягким уютным теплом и Криза почувствовала как тяжелеют веки: не заснуть бы... А впрочем... Почему бы и нет? Пусть убивает, только не будит...

Ее бесцеремонно похлопали по макушке шестом. Криза с трудом разлепила веки.

– Не спи – замерзнешь. Насмерть. Никакая гнилушка не поможет. – отрывисто скомандовал Тат. Туман вокруг сгущался, теперь от него тянуло леденящим холодом, от которого все сильнее крутило руки и ноги.

– На вот... – он оставил шест и протянув ей флягу, похожую на трубу из пестрого пластика с навинчивающейся пробкой-стаканчиком.

Такие из мира людей возят, они тепло сохраняют! Откуда у него?

– Пей! – Татльзвум глянул через плечо, увидел как она нерешительно застыла, баюкая флягу в ладонях. – Не отравлено. Убить я тебя могу гораздо проще и быстрее.

Криза все еще подозрительно поглядела на флягу: а может, его позабавит убить ее именно так? Но в конце концов, она ведь понимает, что не доживет до рассвета, так какая разница? Она отвернула крышечку и принялась наливать странно пахнущий напиток того же цвета, что и болотная жижа. Жидкость в чашке вдруг вспыхнула – по поверхности прошла волна сияния и внутри заплясали мелкие искорки.

– Давай-давай! – хмыкнул Татльзвум.

Подбодрить – не подбодрил, но... терять нечего, а любопытно же – она такое впервые видит! И она осторожно пригубила... Теплая волна прокатилась по горлу и ухнула в желудок. Там, кажется, сплясала и... разлетелась по всему телу короткими веселыми искорками и... Криза шумно выдохнула. Тяжелая, свинцовая усталость, от которой болело все тело, схлынула, а в голове стало ясно и звонко, и кажется, даже видеть в темноте она начала лучше.

– Один стакан. – с интересом наблюдая за ней, хмыкнул Татльзвум. – Не больше. И не чаще одного раза в седмицу.

Жмурясь от удовольствия, Криза прихлебывала из стаканчика – даже если он решил ее взбодрить, чтоб она ощутила собственную смерть во всей полноте... хоть ненадолго отступившая застарелая усталость уже радовала!

– Что это? – не сдержавшись, с любопытством спросила она, заглядывая в опустевший стаканчик.

– Почки того самого дерева, которое на нас напало. – неожиданно охотно отозвался Татльзвум.

– А... как же? – она снова оглянулась – пылающее дерево превратилось в крохотный огонек на черном горизонте. – Оно же – нападает?

– Ну или оно тебя съест... или ты его выпьешь. – меланхолично откликнулся Татльзвум. – На Болоте мно-ого интересного. – еще разок оттолкнулся шестом и бросил. – Флягу можешь оставить себе.

Криза посмотрела на флягу с невольным удовольствием, понюхала... разобраться бы, из чего сделано это чудо, и она разберется, стоит ей только попасть в лабораторию... Рука ее дрогнула, едва не расплескав драгоценную жидкость, и она вскинула на Татльзвума полные растерянности и изумления глаза:

– Ты... не собираешься! – воскликнула она так громко, что болото в ответ чавкнуло, явно не одобряя манеру шуметь по ночам. – Ты не будешь меня пытаться или... еще как-то заставляешь снова сделать тебя крылатым змеем! Ты... ты хочешь меня... подкупить? – это было так невероятно, что у нее сорвался голос. – Ты?

Он снова обернулся, улыбаясь страшно и жестко:

– Жалеешь, что сказала, будто не можешь вернуть мне драконий облик? Пообещаешь теперь все сделать? На самом деле... или чтоб потянуть время до рассвета?

Ответить она не успела. Нос лодки нырнул в выросшую перед ними белую стену тумана и Татльзвум пропал, точно его и не было.

Год назад

– Наконец-то! – Татльзвум вскинул голову, прислушиваясь к доносящемуся с палубы шуму.

– Ашша! Ашша! – орал там. – Выходи! Тебе работа есть! Выходи быстро, кому сказал! Вопли перемежались громкими стонами, руганью и топотом, будто кого-то волокли.

– Раненый? – Ашша вскинулась, намереваясь рвануть из спальной «плетенки».

– Стоять! – прошипел Тат, рывком бросаясь ей наперерез и прижимая хвост старой ниссы к полу. – Быстро пошла обратно! И чтоб ни звука!

– Но... там раненый! – растерянно пробормотала Ашша.

– Очень хорошо, что раненый, замечательно, что раненый! – одобрил Тат. Он ждал уже три дня! Он бы и сам кому-нибудь что-нибудь оторвал – вот только не придумал, как сделать это незаметно. – Сиди тут, ясно? Пока не позову.

– Ты всю нашу еду забираешь! Если Ашша не будет лечить, и того не станет! Что сам есть будешь? – почти по-змеиному прошипел Митроха, и тут же согнулся, отчаянно хватая ртом воздух, от короткого тычка под ребра.

– Тебя, безголового, сожру. Только попробуй послушаться, Ашша! Сожру обязательно. – Тат отбросил занавеску от входа и выполз на палубу.

Двое – энатокет с изодранными ушами и питающийся запахами астем с перебитым носом – затаскивали на палубу третьего – тощего немолодого человека. Человек жалобно стонал, на грубо замотанной тряпками руке все шире расплывалось кровавое пятно.

– Лизун, чего встал? – энатокет неприязненно дернул в сторону Тата рваным ухом. – Ашшу зови.

– Она не придет. – приваливаясь к краю «плетенки» и скрещивая руки на груди, обронил Тат.

– Что значит, не придет? – выпрямляясь, злобно бросил энатокет. – Фотьку грызнули, ему Ашша нужна.

– А самой Ашше нужна еда. – равнодушно отозвался Тат.

– Ну так вернется Быкоголовый и выделит ей! Зови! – заторопил энатокет, а человек поддержал его протяжным стоном.

Занавеска дернулась, будто Ашша, заслышав этот стон, пыталась ринуться наружу. Пришлось быстро сунуть за занавеску крепко сжатый кулак. С той стороны притихли.

– Поздно. – аккуратно меняя позу, чтоб не заметно было, как он придерживает занавеску, обронил Тат.

– Чего поздно-то? – окончательно потерявший терпение энатокет шагнул было вперед... и наткнулся на выставленную ладонь Тата.

– Для Ашши поздно. Вы ее эти дни не кормили, вот она и слегла. Теперь ей бы кто помог, а она помочь никому не может. – с доброжелательным интересом наблюдая как энатокет пытается «продавить» его руку и приблизится ко входу в «плетенку», пояснил Тат.

– Чего ее кормить-то? – влез возмущенный астем. Рта у него не было, голос звучал через нос и больше походил на гудение. – Пошла, да набрала себе – кто не сидит в лодке, тот всегда сытый!

Энатокет и даже прекративший стонать человек покосились на него одинаково неодобрительно: дескать, хорошо тому, кому достаточно понюхать еду, чтоб быть всегда сытому, а ты попробуй ее еще поймай!

– Так травы. – продолжая доброжелательно улыбаться и аккуратно отпихивать все рвущегося вперед энатокета, пояснил Тат.

– Чего... травы?

– Или еду добывать, или лечебные травы искать. Мхи, опять же... Лишайники... Чтоб вот тебе кровь остановить. – Тат вдруг ткнул пальцем прямиком в повязку. Человек взвыл. Энатокет, перед которым вдруг исчезло препятствие, едва удержался на ногах.

– Вот пусть и лечит – теми самыми травами. Мхами... – поднимая на него измученный взгляд, прохрипел человек.

– А не осталось. – легко отмахнулся Тат. – Еды нет, вот, пришлось заварить, чтоб хоть как-то продержаться. Новых набрать – сил у Ашши нет, вот и получается – лечить вас больше некому. – и равнодушно закончил. – Подышайте так.

– Ах ты ж... – уронив раненного, энатокет и астем ринулись на Тата с двух сторон. Легкий шаг вперед и в сторону – Тат вдруг оказался совсем рядом с энатокетом, дернул за край, заворачивая противника в его же собственное ухо, крутанул... Энатокет полетел вслед проскочившему мимо Тата астему – и врезался головой тому в спину!

– Бум! Бум! – они попадали как кегли в человеческом боулинге, где Тату однажды довелось побывать: астем носом в палубу, энатокет – носом в твердые пятки самого астема.

– Мой нос! Опять! – прогундосил астем, зажимая кровоточащий нос. – Как я теперь есть буду!

– Вопрос в другом: как будет есть Ашша? – все также ласково поинтересовался Тат.

– Как раньше! Наловит да съест! – барахтаясь в собственном ухе, продолжал упрямыться энатокет. – Пока ты тут не появился, ее все устраивало! Вот сейчас еще народу позовем – и тебя снова не станет!

– Может быть. – согласился Тат. – Всей толпой вы меня прибьёте. Только видишь вон там люк? – он ткнул в палубу. – Я его еще два дня назад прорезал. Полезете: открою и отправлю всех к вашим глазастым-зубастым. Вместе с Ашшей. Если вам жратва дороже жизни... – он окинул выразительным взглядом корчащегося на палубе человека. – ...так и лекарь без надобности!

– У меня на лодке... то, что я за сегодня насобирал... возьмите. И отдайте этому... – прохрипел человек.

– За три дня. – невозмутимо повысил цену Тат. – А вы как думали? Сколько дней не кормили, столько и отдать должны. Это я еще не спрашиваю, сколько времени она и себе еды, и вам лекарства сама собирала!

– У меня столько нет – все Быкоголовому сдал, когда он на обмен уходил.

– Попроси приятелей, человек, пусть тебе помогут. Ты вот... – он пнул пытавшегося подняться астема. – Отработать можешь. Вынюхать для меня кой чего...

– Я плохо нюхаю. – прогундосил астем. – Видишь, нос сломан, да кровит еще... Все из-за тебя!

– Ну хочешь, Ашша и тебя полечит? – щедро предложил Тат. – За отдельную плату.

Астем бурно засопел, дергая здоровенным, как рулевое весло, носом.

– Ну что ж ты так страшно ругаешься, носатик? – укоризненно покачал головой Тат. – Тут же женщина... и даже ребенок!

– Я не ребенок! – из-за занавески выкрикнул Митроха.

– Пожалуйста, парни! – взмолился человек, прижимая к себе раненную руку. По вискам его катились крупные капли пота, а самого лихорадило. – Я потом вам отработаю!

– И поторопитесь. – хмыкнул Тат. – Сперва еда – потом лечение.

– Ладно... – энатокет одарил Тата ненавидящим взглядом и шагнул через борт. На ходу бросил. – Быкоголовый через день-два вернется – все узнает! Он тебя просто прибьет!

– Ты, главное, сейчас глупостей не делай. – напутствовал его Тат. – Ну а ты... – он присел на корточки рядом с астемом. – Говоришь, Быкоголовый на обмен пошел?

– Я такого не говорил. – свистнул носом астем. И уточнил. – Говорил не я.

– Ты на мелочи не отвлекайся: что на что он меняет?

– Ну так... – астем явственно растерялся. – Что мы по болотам собираем, то и меняет: гнилушки-огневушки, мух, почки да кору со смерть-деревьев, синих червяков... ими хоть дерево, хоть лозу натри – крепче камня становятся. – астем покосился на выпиленный в палубе люк. – Так и знал, что Ашша свою лодку не по правилам делала... ну да где ей...

– Где ей отвлекаться, когда она твой сломанный нос лечила. – в тон подхватил Тат и по растерянной физиономии астема понял, что угадал. – А ты помочь и не подумал, верно?

«Вот и замечательно, что не подумал. А то начал бы я в палубе люк делать, а ее никакой нож не берет»

– На что меняет? – поторопил Тат, пока астем переваривал совершенно новую идею: делать что-то вместо Ашши, пока та лечит.

– На что надо. Правда, на что нам надо – на то и меняет! – взвыл астем, получив кулаком по ребрам. – Иголки там... нитки... ткани...

– А где? – вкрадчиво поинтересовался Тат.

– Только он и знает. – откликнулся астем. – Уносит... приносит... Всегда сам ходит: ну так он вон какой здоровый, любой груз утащит.

– Вот как... – пробормотал Тат, наблюдая как мрачный энатокет забирается обратно в лодку. Мрачно скривившись, кинул Тату под ноги мешок. – Ашша! – негромко позвал тот.

Словно ею выстрелили, старая никса вылетела на палубу и кинулась к раненому.

– Вжик! – повязка развалилась под ударом ножа. Ашша расстроено цокнула языком. – Митроха! Тащи жабу!

Высочивший следом Митроха уже нес на вытянутых руках бочонок. Ашша запустила руку, вытащив наружу угольно-черную жабу с ярко-оранжевыми бородавками. Перевернула, стиснула обеими руками скользкое жабье тельце, так что глаза жабы выпучились еще больше – из бородавок на кровоточащую рану брызнула жидкость – рана зашипела, забурлила, извергая темный то ли гной, то ли проникший в рану яд.

– А ведь жабу такую прокормить – тоже, небось, не просто. – задумчиво пробормотал Тат и принялся осматривать принесенные припасы. Выгреб из коробки горсть розовых червей – от них больше всего сил прибавлялось – и закинул мешок за спину. Жуя на ходу, вернулся к астему.

– Ты ж Ашшу накормить хотел? – издевательски прищурился тот.

Тат только окинул этого заботливого долгим насмешливым взглядом.

– Я тебе дам понюхать. Потом. Когда отработаешь. – пообещал он и кивнул на болото. – Пошли!

– Куда? – опешил тот.

– Узнаем, куда ваш Быкоголовый ходит. – и прежде, чем астем успел дернуться, прижал к его животу прихваченный с палубы нож. – Рот... в смысле, нос закрой и топай в челнок. Вы, астемы, след и на воде возьмете, лучше любых псов. – и спихнул астема в привязанный у лодки узкий челнок.

Оглянулся – энатокет держал отчаянно дергающегося человека, а Митроха с Ашшей склонились над его рукой. Промедлил мгновение... тряхнул головой... и спрыгнул следом.

– У меня нос сломан. – хмуро напомнил астем. – А Быкоголовый мне потом его из-за тебя еще раз ломает.

– А я тебя так просто убью. Сейчас. Ну или попозже – если не найдем. – равнодушно пообещал Тат. – Так что жить хочешь – греб и нюхай!

Астем насутился еще больше и оттолкнувшись шестом, направил лодку к колышущейся вдалеке стене тумана.

Сейчас

Туман колыхался вокруг, будто стена из киселя – молочного, но с ягодами – потому что время от времени его расчерчивали яркие цветные прожилки: малиновые, оранжевые, чернично-синие... И тут же тонули в дышащей ледяным холодом непроницаемой белизне. Иппокризия обхватила себя руками за плечи, радуясь тому, что под рубашкой у нее тихонько пульсирует теплом гнилушка-огневушка.

– Зато цвет лица улучшится. – хмыкнул Татльзвум и в ответ на непонимающий взгляд Кризы очень серьезно пояснил. – Увлажняет, говорят, туман. Разлить бы по бутылкам – стоило б не меньше, чем заживляющая мазь на тертых мертволесских мухах.

– Мазью... на мухах... мертволесских... – только и могла повторить Криза. Мертволесские мухи – это болезнь, боль и смерть по всему Ирию, это... Какая еще заживляющая мазь?

– Отличная. – ответил Татльзвум – видно, последние слова она выпалила вслух. – Опухоли вытягивает. У нас тут много еще чего любопытного есть. – искушающе продолжал он. – И я даже дам тебе попробовать... если ты, конечно, сделаешь, что мне нужно.

– Я... Ты... – страдальчески пробормотала Криза и смолкла. Ну и что отвечать? Что она действительно понятия не имеет как вернуть ему драконий облик? И пусть убивает, Шешу с ним? Теперь, когда ей больше не грозила боль и издевательства, спокойно ждать смерти на рассвете не получалось: отчаянно, до слез, до крика хотелось жить! Кинуться на Татльзвума, молотить его кулаками, пинаться, орать: «Отпусти меня, слышишь, отпусти!» И он бы даже... отпустил. Если бы они сторговались. Криза ему – драконий облик, а он ей – то самое «много любопытного», которое упоминает так вскользь и небрежно, явно заставляя ее гадать: что же там еще такое? Только вот товара для этой сделки у нее нет: она разработала способ лишить дракона крылатого облика, но никогда не задумывалась как вернуть обратно. И от того пинаться и орать хотелось еще сильнее.

– Вот как... – прошелестело совсем рядом и Криза с испуганным вскриком отпрянула. Непонятно как, только что стоявший на корме Татльзвум оказался рядом – будто перенесся вместе со скользнувшей вдоль борта струйкой тумана. И теперь глядел на Кризу в упор жутко фосфоресцирующими глазами. – Значит, и правда не знаешь.

– Ты... Ты больше не похож на своего брата Айтвараса. – вдруг словно впервые увидев его лицо, выдохнула Криза. Через щеку Татльзвума тянулась белая ниточка шрама – раньше ее не было. Еще один шрам красовался в углу глаза, и третий – на виске. – А как же заживляющая мазь на мухах?

– Ну знаешь, за пять дней – по-моему, неплохой результат! – возмутился Татльзвум, проводя кончиками пальцев по лицу.

– Пять... – непонимающе начала Криза и вдруг вскинулась. – Ты хочешь сказать, что эти шрамы ты получил пять дней назад? Пять? Врешь!

– Обвинять во лжи истинного дракона Лун, сына Матери нашей Владычицы? – прошипел Татльзвум так знакомо, что Криза вздрогнула. – Не много ли на себя берет человечка, из милости принятая в Пещерах?

И вот тут Криза поняла, что с нее довольно.

– Милосссти? – зашипела она в ответ. – Я – принята в Пещерах из милости? Как же ты мне надоел, Татльзвум Ка Рийо, со своим безголовым высокомерием! – она вскочила, узкий челнок резко качнулся, едва не черпая бортами туман, Татльзвум зашипел, но Кризе было все равно. – Как ты мне невозможно, до тошноты, надоел за последнюю сотню лет! Да в ваших Пещерах жить нормально начали только после того, как я к вам перебралась! До этого вас или никакой Зевсовой молнией не прибьешь, или... сразу – брык! – и хвосты откидывали от любой болячки! Шешу тебя дерю, я – Иппокризия, дочь Гиппократы, пра-правнучка бога врачевания

Асклепия! Вот этими самыми руками я вылечила тысячи... десятки тысяч... людей... и драконов... и других существ! Я создавала больницы... в двух мирах! И основывала монастыри... и дружила с герцогами, и королями, и... да на мне даже проклятье – и то от богини! И чтоб змееныш, на котором еще скорлупа толком не потрескалась, смел меня оскорблять?!

Замерший на носу челнока Тат уставился на нее, прижимая к себе шест, точно последнее свое оружие. Некоторое время они плыли в молчании: две фигуры в лодке казались темными силуэтами на белом фоне тумана.

– Так я же сын Табиты-Владычицы! – по-детски обиженно пробурчал вдруг Тат. – И не змееныш, а взрослый змей!

– Это брат твой, младший, Айтварас Жалтис – взрослый, а ты – змеенышем был, змеенышем и остался! Наглым, бесполезным, ни к чему не пригодным! Чего, ну вот чего ты добился сам – ты, черно-красный огненный Татльзвум Ка Рийо?

– Я воевал! – швыряя на дно челнока шест, заорал в ответ Тат.

– Ты предавал! Эгоистичный, самовлюбленный змеишка, ты ввязался в заговор, потому что тебя, видите ли, недостаточно ценили! Хоть бы задумался – а за что тебя ценить? Ты – никто!

– Я – дракон Лун! – озверевший Тат подскочил к Иппокризии и схватил ее за плечи.

– Великое достижение! – глядя ему в лицо сузившимися от ярости глазами, выплюнула она. – Вывалится из-под хвоста не у кого-нибудь, а лично у главной драконицы! А еще? Ну хоть что-нибудь?

– Ты-ы! – встряхивая ее за плечи, провыл Татльзвум. Собранные в небрежный пучок волосы Кризы разметались по плечам. – Ты-ы-ы! – челнок под их ногами качался туда-сюда, в любое мгновение грозя вывалить обоих напрямиком в туман.

Белая стена взбурлила, жадно, предвкушающе вспучилась...

– Ты! – в третий раз выпалил Татльзвум и вдруг резко повернул ее, прикрывая ее плечом от тянущихся к ней щупалец белого тумана. – Отомстила, выходит, человечка? – угрожающе нависая над ней, прохрипел он.

– Нет, не отомстила! – не отводя глаз от нависшего над ней Тата, отчеканила она в ответ. – Решила проблему! За тот год, что тебя не было, меня никто не смел оскорбить!

– Ты их просто не бесила так, как меня! – встряхивая ее при каждом слове, заорал Тат. – Ходила по Пещерам, будто ты не человечка... и даже не змеица... а будто сама Мать-Владычица! У меня внутри все жгло, когда я тебя видел, а ты... взрослую корчила! И это твое: «Как себя чувствуешь, зме-е-ейчик?» А я не змейчик! Я змей! Взрослый змей! – он вдруг оттолкнул ее от себя, она плюхнулась на скамью и... расхохоталась.

Он смотрел на нее, в ярости сжимая и разжимая кулаки, а она смеялась, стряхивая налипшие на щеки пряди – и туман дрожал в такт ее смеху.

– Это что же... – наконец отхохотавшись, спросила Криза. – Я тебе нравилась, что ли? И ты донимал меня своими оскорблениями... как людские мальчишки дергают девчонок за косички? А еще говоришь, что взро-ослый? – она снова по-кошачьи фыркнула. – Всерьез думал, что так привлечешь мое внимание... маленький змейчик?

– Теперь я даже не змейчик. Благодаря тебе! – отворачиваясь, глухо буркнул он. – Мне вот только любопытно: что, если Мать наша Владычица узнает? Что ты умеешь лишать драконов крылатого облика?

Криза вдруг подалась к нему навстречу, близко-близко, и прошептала, почти касаясь своими губами его губ:

– А она... знает.

– Что? – Татльзвум застыл, продолжая сжимать ее в почти-объятиях.

– Неужели ты думаешь, что в Ирие можно что-то сотворить с драконом без ведома Матери вашей Владычицы?

– Мне удавалось! – возвращаясь на свое место на носу, презрительно хмыкнул он.

– Недолго! – в тон ему откликнулась Криза. – Так что можешь не сомневаться – она разрешила. – и с некоторым смущением косясь в его враз закаменевшее лицо, пробормотала. – Как еще она могла спасти твою жизнь? Если бы Айтварас Жалтис тебя и помиловал, Вересель Рориг и Сайрус Хуракан обязательно потребовали казнить. А казнь дракона, это все-таки... – Криза неопределенно повела плечом. – Ты, все же, ее сын. Она спасла тебя как смогла, а мне... Я, конечно, в теории предполагала, какие нервы надо пережечь, чтоб не допустить смены облика, но кто б мне дал попробовать на практике? А так... очень удачно материал для эксперимента подвернулся.

– Материал... Для эксперимента... Я... – наконец сказал он и во взгляде его плескалось такая пламенная ярость, что казалось весь потерянный огонь перетек туда. – Что ж, Иппокризия, создательница и основательница... – и сквозь зубы, с шипением. – Экссспериментатор-шшшш... Молись своему пра-прадедушке, чтоб все эти твои лечения... и эксперименты... были не напрасны! Потому что друзья-короли тебе тут точно не помогут! – он с силой оттолкнулся шестом, и вспарывая острым носом белую стену тумана, челнок вырвался снова на залитое лунным светом болото.

И Криза увидела...

Год назад

Насквозь мокрый, с облепленными грязью ногами Татльзвум стоял, тяжело опираясь на шест. На половине пути правящего челноком астема пришлось сменить, иначе тот бы просто свалился, и теперь Тат думал, как бы не рухнуть самому: гнать челнок по вязкой болотной жиже оказалось неожиданно тяжело. Шест увязал, и выдернуть его стоило немалых усилий. Пару раз ему казалось, что за шест дергали с другой стороны, и приходилось цепляться за него изо всех сил. Потом челнок пришлось оставить и брести по колено в хлюпающей жиже, лупя шестом по всплывающим из ее глубин острым гребням и жадным голодным глазкам. Каждый шаг давался все труднее и труднее, а когда туман вдруг раздался, Тат полетел кувырком по невысокому травяному склону. Поднимался с трудом, цепляясь за шест и чувствуя, как дрожит каждая жилка. Вывалившийся следом астем оглянулся на колеблющуюся стену тумана за спиной, на отливающую серебром гладь реки у их ног и ткнув пальцем вперед, напряженно спросил:

– Это мы где?

– Кисельные Берега. – рассеяно обронил Татльзвум, тоже разглядывая городок. Рядом с которым никакого болота сроду не было. А вот туман... да, туман был – Тат не раз видел его с высоты драконьего полета, но даже не догадывался, что этот туман такой... интересный. Он оглянулся на туманную стену, усмехнулся. А вот что с одних лишь киселей, пусть даже прославленных на весь Ирий, городишко существовать никак не мог, догадывался, да... Хорошо, что хватило ума этими догадками ни с кем не делиться! Татльзвум готов был дать на отсечение хвост (которого и так нет!), что Быкоголовый пошел туда... и в городе его ждали. – Ты давай, нюхай! По ту сторону тумана мы ухоронку Быкоголового не нашли, значит, она должна быть здесь.

– Уверен, что она есть? – астем оглядел невысокий здесь берег Молочной, покрытый валунами и редким колючим кустарником и сильно потянул носом, принюхиваясь.

– Уверен! – отрезал Татльзвум: потому что, а как иначе? Не может не быть ухоронки, никак не может: даже у такого скота мало-мальское соображение есть, иначе и сила бычья не поможет!

Судя по тому, как астем принялся рыскать среди камней, его тоже обуял азарт.

Татльзвум присел на валун и запрокинул голову, подставляя лицо солнцу: после постоянного полумрака болота это было здорово! А если в бычьей ухоронке окажется что ценное... астему по носатой башке, а самому добраться до города. Найти приличный шинок – есть здесь такой. В прежние времена иначе как дырой Тат тот шинок бы не называл, но плетеный короб на лодке, где спать приходилось вместе с Ашшей и Митрохой, здорово меняет представления. Снять комнату, заказать бочку с горячей, до кипятка, водой, и сидеть в ней долго-долго, отскребая въевшуюся в кожу грязь. Поужинать – не рыбой и червяками, а мясом! И запить парой бокалов цветочного вина! Лечь в свою, собственную кровать – одному, а утром проснуться... со стражами Пещер вокруг: с мечами, путами и приказом об аресте наизготовку! Потому что нету в Ирии таких дикарей, чтоб физиономию его, так похожую на треклятую физию братца Айтвараса, не опознать.

А ведь есть целый мир таких вот дикарей – человечесий! Если... уйти туда? Для начала все то же самое: находим ухоронку, астему по башке... Втихую пробраться к окну в мир человек: знал Татльзвум одно такое, через него оружие в Ирий таскали. Остальные Матушка с братцами наверняка уже нашли и закрыли, а этим почти не пользовались – неудобное очень. Есть шанс, что оно уцелело. Мешок за спину – и в человечесий мир навсегда! Там всем безразлично, что он больше не может оборачиваться драконом: там этого никто не может, а сила все же при нем, особенно сейчас, когда он отлежался и отъелся. Правда, о том мире он почти ничего не знает,

так, заглядывал, пока оружие грузили – воняло там отвратительно! В конце концов, он же не братец Айтварас, чтобы и учиться в этом мерзком месте, еще и девку себе завести!

Девка, да... Хортицкая ведьма-хозяйка, наглая тварь, поломавшая ему жизнь! А ведь она его найдет, стоит только начать продавать запасы из ухоронки Быкоголового. Кто купит такое, кроме тамошних ведьм, а стоит Хортице прослышать про распродажу мертволесских мух и... ему конец! Если, конечно, не продавать ничего, а просто затаиться и... Татльзвум скривился: вот уж судьба для истинного змея Лун, сына самой матери-Владычицы – забиться в какой-нибудь темный угол в мире презираемый человечков из страха, что его найдет одна черноволосая и зеленоглазая ведьма!

Что ж получается? Ему нет места... нигде? Ни в Ирии, ни в человеческом мире... разве что... разве что на болоте?

– Лизун! Эй, Лизун, оглох? – приглушенный шепот чуть не над самым ухом заставил его вздрогнуть и сморщиться: ах да, Лизун – это же он сам!

– Ты был прав, Лизун! – возбужденно прогундосил атем. – Есть ухоронка, есть! – он махнул тощей рукой и поскакал по камням, возбужденно шевеля ноздрями. Тат кинулся за ним.

Нагнал возле самого обычного валуна – атем вертелся вокруг как пес, потерявший голову от запахов, и кажется, даже поскуливал:

– Там! Там!

– Та-ак! – протянул Тат, примериваясь к валуну. И загадал: сумеет это поднять, значит, и с Быкоголовым справится. Ладони легли под шершавый ребристый край камня. Ноги уперлись в землю, Тат примерился, не скользят ли ступни по траве. Ну... Глубокий выдох и... Острая боль пронзила позвоночник, мышцы рук отозвались щемящей болью, в глазах помутилось, жуткая тяжесть камня, казалось, вдавила в землю...

– Я... не... могу-у-у! – Татльзвум сам не понял, кричит он это мысленно или вслух – боль захлестнула его, оставляя лишь одно желание бросить все, забыть, вернуться обратно на болото. Ашша все-таки знахарка, она уговорит Быкоголового не убивать пришлого Лизуна...

«Я не Лизун! Я Татльзвум Ка Рийо Лун. Сын Матери-Владычицы Табити-Змееногой... и я уж точно могу больше, чем жалкая тварь Прикованного!»

Он зарычал. Зарычал и рванул, до треска в костях, и... валун треснул. Валун треснул и разломился пополам, и обе половинки разлетелись в стороны, открывая спрятанную под ним яму, а Татльзвум, дыша с хрипом, как загнанный конь, рухнул рядом на колени.

– Буррр... Гыррр... – смущенно засопел носом атем. – Ну ты даешь, Лизун! Перевернул бы просто – ломать-то зачем?

Татльзвум потерянно посмотрел на яму... на камень... Если нажать – не толкать, а просто надавить на во-он тот (теперь наполовину выкрошившийся!) краешек, то... камень просто отдвигался! Шешу тебя за хвост да об стенку, Быкоголовый! Ты во всем виноват!

– Мешало! – хрипло рыкнул он на атема, и склонился над ямой с лежащими в ней двумя плотно обмотанными кожей свертками.

Развернул один: что ж, он и впрямь не промахнулся! Здесь была знакомая паста из перетертых мух, и синие черви, и еще какая-то настойка ярко-малинового цвета – Татльзвум не знал, для чего она, но не сомневался, что в любом городе Ирия (и даже в Змеевых Пещерах!) за нее платили бы золотом.

Бурное урчание в животе атема заставило его очнуться и выхватить из его рук второй сверток.

– Дай! – заурчал атем. И тут же умоляюще – Ну дай, дай!

Этот сверток был замотан гораздо надежнее первого – плотная кожа не поддавалась неуклюжим человеческим пальцам, а ведь как легко было бы подцепить когтем... только вот у него

больше нет когтей! Наконец кожаный край треснул и... Татльзвум ошалело уставился на содержимое свертка.

– А говорил, только ткань и огниво выменял! – проурчал астем, протягивая дрожащие пальцы к кусочкам вяленого мяса... и черствым хлебным горбушкам. – Про мясо и не мумукнул, бычье поганое! А я... – астем вдруг горестно шморгнул носом. – Мясо уже год не нюхал! – и схватив жесткую темную полоску, прижал ее к носу.

– Эй, эй! – возмущенный Тат вырвал мясо у него из рук. – А ну отдай – до дырок пронюхаешь! Выменял, говоришь? И на что? На мазь мушиную? – в голосе Тата звучало отчетливое неодобрение – что может быть дешевле мяса? Да за одну такую мазь его можно телегу наменять!

– Так... за все! – удивился астем. – За все, что к прошлой менке насобирали, что Ашша наварила. Иголки принес, ткань, кремь с огнивом, три топора железных, два ножа, соли пуд... и это вот! – и он снова жадно дернул ноздрями в сторону мяса. И обиженно добавил. – Только это припрятал, делиться не стал!

– Иголки... – повторил Тат. – Два ножа... Ой, бычье! – и с размаху ткнулся физиономией в ладонь. И даже застонал: этот... этот бык безмозглый менял сокровища болота на... на...

– Еще какое! – пробулькал астем. – Сейчас он нас убьет!

– Где? – Тат вскинул голову... и увидел вдалеке торопливо пробирающуюся меж валунов массивную фигуру с увенчанной рогами башкой.

– Так! – быстрым движением он завернул кожу и сунул оба свертка в руки астема. – Беги обратно в туман, и жди. Если вернусь я – подгонишь челнок.

– А если – он? – принимая свертки в объятья, точно младенцев, нервно проговорил астем.

– Ты главное, не сбеги раньше, чем вернется хоть кто-нибудь. – напутствовал его Тат. – Все, пошел! – и астем, оскальзываясь на влажных валунах, ринулся прочь.

Быкоголовая фигура все ближе, ближе, становится все больше, больше... Вот Быкоголовый вспрыгнул на ближайший валун – громадная рогатая тень закрыла солнце. Яростно замычал, увидев внизу развороченную яму и сиганул вниз. Принялся обшаривать дно, будто надеясь, что его свертки закопались на глубину.

– Это ищешь? – поднимаясь из-за валуна, негромко спросил Тат.

Быкоголовый замер. Быкоголовый повернулся. И уставился на сидящего на валуне противника.

Издевательски улыбаясь, Тат помахал вытасненным из свертка туеском с заживляющей мазью.

Быкоголовый медленно наклонил голову – острые рога нацелились на Тата. В глазах его начало разгораться лютое пламя, а из бычьих ноздрей рванули две тонкие струйки пара.

– Совсем зола в башке, да? – с деланным сочувствием поинтересовался Тат. – Ты на что болотные сокровища меняешь, бычье? На мяса пару кусков? Совсем не соображаешь, сколько это на самом деле стоит?

Бык взревел, как Левиафан в тумане, и выставив рога, кинулся на Тата.

– Бычье-е-е! – заорал Тат, кувыркком опрокидываясь с камня. Перекатился, отбивая бока об мелкую осыпь...

С диким ревом Быкоголовый запрыгнул на валун, подхватил с земли обломки камня и воздел его над головой...

– Да стой ты! – истошно заорал Тат...

Валун полетел напрямик в него.

– У-у-ух! – вспарывая воздух, тяжело прогудел прямо над ухом, когда Тат метнулся в сторону. С грохотом шарахнулся оземь.

– Да послушай! – завопил он. – Я это все в сто раз выгодней поменяю! В тысячу!

– Уууух! – вывороченный Быкоголовым второй валун летел ему напрямик в голову.

Тат упал, оббивая грудь и ладони об камни. Валун с гулом просвистел над ним, земля содрогнулась, сверху упала тень... Невероятным финтом – будто снова в змея превратился! – Тат вывернулся из-под прыгнувшего ему на спину Быкоголового.

– Ба-бах! – Быкоголовый рухнул плашмя, тут же попытался вскочить...

– Ну уж нет! – Тат с размаху приземлился коленями ему на спину.

– Умууурр! – Быкоголовый то ли замычал, то ли взвыл от жуткого удара, запрокинул голову...

Тат немедленно вцепился ему в рога.

– Успокойся, ты, скот! Расскажешь мне, с кем в Кисельных Берегах торговлю ведешь – и я тебя отпущу! Еще всем племенем благодарить меня будете! – проорал он Быкоголовому в ухо.

– Не будууу! Я тебя убьюуюю! – прохрипел Быкоголовый и... начал подниматься. Вместе с Татом на плечах.

– Э! Э! Хватит! Стой! Да ты...

Быкоголовый подпрыгнул и рухнул на спину, норовя придавить сидящего на нем Тата об землю. Кувырок! Не выпуская рогов и чудовищно изогнувшись – он и сам не думал, что так сможет! – Тат снова приземлился... на этот раз Быкоголову прямоком на грудь.

– Аррргх! – Быкоголовый оскалил клыки...

– Хрясь! – кулак змея впечатался ему в челюсть. Хрясь-хрясь-хрясь! Тат вдавил его в землю коленями и замолотил с двух сторон: с левой-с правой-с левой... Брызги крови и выбитых зубов полетели во все стороны.

– Аррргх! – Быкоголовый заорал от ярости и боли. Бах! – его лапищи ударили с двух сторон, норовя расплющить противника. Но Тата уже там не было – он взвился в высоком прыжке. Быкоголовый откатился в сторону, но пяткой меж рогов Тат ему заехал... и запрыгал на одной ноге, подвывая от боли.

– Уррргх! Урр! – Быкоголовый вскочил, оскалил окровавленную пасть, теперь похожую на изломанный забор.

Они стояли друг напротив друга. Тонкий, гибкий как хлыст Тат. И приземистый Быкоголовый с широченными плечами и ручищами с добрый коровий окорок.

– Мозсссгов нет, сплошная кость – не договоримссся! – прошипел Татльзвум Ка Рийо... и на мгновение круглый человеческий зрачок стянулся в сверкающую нестерпимым золотом узкую змеиную полосу.

– Уррр! – Быкоголовый прыгнул первым. Скачок-скачок-скачок... с камня на камень, с валуна на валун... Он взвился в воздух, выставив гигантские кулачищи и... Удар ногой в грудь сбил его в прыжке. Тат засадил ему ногой под ребра и принялся бить, с хаканьем, с наслаждением ощущая как подается грудная клетка...

– На! На! На! А-а-аа!

Извернувшийся Быкоголовый ухватил его за ногу, дернул... Тат рухнул, с размаху приложившись головой об валун.

– Аууу! – перед глазами заплясали цветные пятна, мир поплыл вокруг, а навалившийся сверху Быкоголовый сжимал своими ручищами, выдавливая из груди остатки воздуха.

– Тебе... конец... Лизун... – прохрипел он, стискивая Тата в смертельных объятьях и вздергивая в воздух.

– А-а-аа! – Тат пронзительно заорал, молотя ногами по воздуху и... снова вцепился обеими руками противнику в рога.

Они напряглись оба, разом. Быкоголовый – сжимая ручищи и чувствуя, как кости соперника поддаются под его лапищами... И Тат, из последних сил, держащийся за бычьи рога.

– А-а-а-а! – снова заорал Тат, чувствуя, как трутся друг об дружку трещащие ребра и... дернул за рога.

Хрустнуло.

Быкоголовый вдруг замер. Глядящий ему в глаза Тат увидел как в глубине налитых кровью зрачков мелькнуло обиженное, почти детское недоумение... а потом хватка на его ребрах разжалась и Быкоголовый рухнул ничком, ткнувшись мордой в камни. Да так и застыл недвижимо.

Тат свалился сверху. Он лежал, не делая даже попыток подняться с распростертого под ним тела, лежал и смотрел в небо Ирия. Охватившее его онемение медленно отпускало, сменяясь глухой болью. Наконец он протяжно, жалобно застонал и скатился с тела. Полежал, почти такой же неподвижный, как мертвец рядом, и наконец, начал медленно, со стоном подниматься. Постоял на подламывающихся ногах и принялся с кряхтением и руганью обыскивать тело.

Сверток нашелся за поясом у Быкоголового. Татльзвум развернул его, осмотрел пару плохоньких ножей, фляжку спиртного, еще какую-то чешуйню... и сморщился.

– Не думаю, что мне так уж нужны те, с кем ты торгуешь. – пробурчал он, заворачивая сверток обратно. – Но с этим возвращаться нельзя...

Подумал еще... заковылял среди валунов, разыскивая брошенный туесок с мазью. Подобрал. И направился к городу.

Вернулся он, когда солнце уже начинало клониться к закату. Остановился возле тела. Стряхнул с плеч объемистый мешок, намотал его Быкоголовому на рога... и взвалив мертвеца на спину, потащил к колышущейся невдалеке туманной стене. И канул в ней – лишь цветные сполохи побежали по белому.

В городе звучно ударил колокол – а потом колокола забились, загрохотали, вызывая тревогу. Над крышами клубился черный дым, и почти невидимый на фоне закатного неба, взвился багровый факел пожара. Издалека он казался слабым и даже безобидным.

Из сгущающегося дыма вырвалась пятерка вооруженных от зубов до копыт кентавров, и галопом рванула вдоль берега. Ловко прыгая с камня на камень, они доскакали до ямы, огляделись, нашли место, где лежало тело.

– Полагаю, Быкоголового мы больше не увидим. – задумчиво разглядывая лужу крови и разбитые валуны, сказал старший, седой кентавр. – Жаль. С ним было так удобно... и дешево. А теперь еще подарки этому новому готовь... в возмещение нелюбезного приема...

– Подарки? Твари этой, которая нам контору разнесла? И склад? – взвился второй, помоложе, и стиснул копые с такой силой, что казалось, древко вот-вот переломится. – Да я его вовсе убью, как поймаю!

Седой окинул его долгим взглядом, особенно внимательно останавливаясь на свежей багровой ссадине на лбу и кровоподтеке в пол лица.

– И кто станет нам болотные товары носить? – поинтересовался седой.

– Найдем кого! – рявкнул молодой. – Или сами поход организуем...

Седой взбрыкнул задом... и его копыта врезались молодому в круп. Тот заорал, копыта его разъехали на камнях, и он кубарем полетел со склона – прямиком в воды Молочной.

– Когда вынырнет, передадите ему, что он уволен. – направляясь обратно к городу, оборотил седой.

– Можем мы спросить почему, хозяин? – почтительно поинтересовался один из сопровождающих.

– Когда теряешь туповатого торгового партнера, безмозглого приказчика уже позволить себе не можешь. – ответил седой и помотал головой. – Надо же! Сперва нашего будущего партнера обобрать пытался, теперь поход он организует! Через туман! На болото! Которое никто не знает где! Уволен!

И кентавры торопливой рысью двинулись обратно к городу.

Все еще год назад

Челнок медленно выплыл из тумана, и взрезая узким носом черную болотную жижу, заскользил мимо сбившихся в кучу широких плоских лодок. Возившиеся на лодках существа замирали, провожая челнок глазами, а потом бросали свои дела и точно зачарованные ведьмой из человеческого мира, начинали перебираться с лодки на лодку, двигаясь за челноком вслед. Когда челнок пристал к лодке знахарки Ашши, там уже собралась целая толпа.

Опасливо озирающийся аstem торопливо спрыгнул с носа челнока и ввинтился в толпу. Татльзвум нагнулся и... подхватив подмышку мертвое тело Быкоголового, бросил его на палубу лодки.

– А-а-ах! – раздаваясь в стороны, в едином порыве выдохнула толпа. И не ясно, чего больше было в этом слитном вздохе. Боли? Удовлетворения? Злости? Растерянности?

Татльзвум перепрыгнул следом, встал над телом и медленно обвел взглядом толпу. В душе дрогнуло легкое чувство довольства – они отводили глаза. Не все, но... даже самые отважные старались смотреть куда-то поверх его плеча.

– Теперь здесь команду я. – прерывая воцарившееся молчание очень просто сказал Тат.

– Почему это ты? – спросил здоровяк-зитирон, расправляя покрытые чешуей брони плечи.

Татльзвум открыл мешок и выложил оттуда сверток. Развернул...

– Это то, что наменял Быкоголовый. – специально стараясь говорить тихо, чтоб остальным пришлось молчать и прислушиваться, сказал он. – На все, что вы добыли с предыдущей менки.

И положил рядом с телом. При виде скудного содержимого свертка на всех лицах отразилось разочарование – даже у престарелого шкаролупца, чья физиономия, покрытая скорлупой вместо кожи, вообще выразительностью не отличалась.

– Это то, что он от вас утаил... – рядом лег второй сверток.

– Хлеб! – пронзительно выкрикнул энатокет и его драные уши звучно хлопнули, подняв ветер.

– Мясо! – едва не взвыл зитирон, скаля клыки. Народ забурился, загомонил, придвинулся поближе, галдя – теперь на труп Быкоголового глядели уже без всякого сочувствия.

– А это то, что сменял я! – повышая голос, провозгласил Татльзвум... и сдернул драную тряпку с кучи на носу челнока.

Кто-то захрипел. Кто-то подавился.

Розовели оципанные тушки птичек-берныклей и краснело тугим алым срезом баранцовое мясо. Сладкие лепестки хищных цветков были свернуты в аккуратный тючок. Синели... краснели... желтели аппетитные бока плодов...

– А это то, что выменял я. – сказал Тат.

– На... на что? – прихромавший из глубины лодки человек выглядел уже неплохо – Ашша помогла. Но вот подкормить его было нечем и сейчас его шатало при каждом шаге, а устремленный на мясо взгляд был страшен.

– На мазь. – ухмыльнулся Тат. И после небольшой паузы небрежно добавил. – На один туесок.

Стоящий в толпе аstem демонстративно заткнул нос и в ответ на удивленные взгляды, небрежно пояснил:

– Перенюхался за дорогу – мутит малёхо после голодухи-то!

– А кто считает, что сможет торговаться лучше меня... – Тат выразительно сбросил с плеча новенький арбалет. И погладил висящий у пояса длинный кинжал. И плевать, что получил он их вовсе не в обмен. – ...пусть сюда идет – и докажет, что лучше меня дерется!

– Пойдем... как не пойти... – заворуженно глядя на еду, пробормотал зитирон и вдруг заорал. – Казан тащите! Бабы, мясо режьте, строгайте... чего там... тут есть! Новый торгош у нашей банды...

– Новый вожак у нашего племени. – спокойно поправил Тат.

– Вот уж... племя! – захохотал зитирон. – Зитироны, энатокеты, никсы, человеки, астемы, коты... разве что змеев не хватает!

– Всего вам... нам хватает. Уж ты мне поверь! – пробормотал Тат, направляясь к спальной «плетенке». – А чего не хватает – добудем! – и нырнул внутрь.

В «плетенке» было сумрачно. В свете слабого фитилька лампадки он увидел старую никсу с кружкой кипятка в руках – и по запаху понял, что она и впрямь последовала его недавним словам: пустила лечебные травы на поддержание сил. Толстый хвост никсы взметнулся, прижимая к плетеной стенке Митроху – кажется, мальчишка пытался на него кинуться.

И при виде тощих рук и впалых щек этих двоих в груди заворужалось что-то такое сильное... жгучее...

– Вы... это... – пробормотал он, дрожащими руками полез за пазуху и принялся торопливо разворачивать изъятую у Быкоголового тряпицу. Запахло остро ипряно и... Татльзвум шлепнул тонкий, как древесный лист ломтик сала на толстый ломоть серого хлеба – и протянул Ашше. – Ты... тоже бери. – кивая на тряпицу, буркнул он Митрохе. – Только... ешь не быстро. И не много сразу. Мне не жалко, просто... повредить может.

Ашша замерла. Не отрываясь, она смотрела на еду. И наконец словно слепая протянул тонкие узловатые пальцы и просто провела кончиками по салу. По хлебу.

– Настоящие. – прошептала она и из глаз ее покатались слезы. – Как давно я... как давно... уже и не помню, когда в последний раз...

– Ты... бери. Бери. – сглатывая вдруг вставший в горле ком, он сунул Ашше хлеб в руки и скомандовал Митрохе. – А ты за бульоном сбегай, там бабы варят. Скажешь, что Ашше теперь полная доля положена всегда, потому что она – наш лекарь. И тебе половинная – потому что ты у нее учишься. Скажешь, я велел.

– А если не дадут? – растерянно переспросил Митроха.

– Пускай попробуют. – с удовольствием согласился Тат. Чем быстрее кто-нибудь попробует выйти из повиновения, тем быстрее и проще будет объяснить, что не стоит. Так братец Айтварас говорил, а он все-таки Великий. Разбираться должен.

Сзади робко зашевелились. Еще не верит. Но уже немножко надеется. И очень хочет есть. Из-за него, Тата, тоже. Ну и плевать. Какое ему дело до человечка? Или до старой никсы, которая все не решается откусить хлеб, а только смотрит и плачет?

– Ешь. – мягко сказал он, перехватывая хрупкое, будто птичье запястье и заставляя ее поднести хлеб ко рту. – Все будет хорошо. У тебя теперь все всегда будет хорошо. Уж я позабочусь.

Ну а кто еще? Теперь тут все – его.

Сейчас

– Вернулся! Вождь Лизун вернулся! – заорал вооруженный арбалетом охранник, отступая в сторону и улыбаясь так радостно, будто у Тата за спиной был мешок подарков.

– Лизун? – Криза приподняла брови, но Тат только раздраженно дернул плечом, бросил охраннику причальный канат, и пока тот суетился, выпрыгнул на деревянный причал.

– Пошли! – скомандовал он, выдергивая ее из лодки, и поволок по тянущимся от причала деревянным мосткам, так что ей пришлось почти бежать за ним.

И очень хотелось возмутиться, вырваться, но... единственное, что она успевала, это крутить головой по сторонам. Из болота торчала то ли маленькая скала, то ли небольшой серый валун, а вокруг нее, куда хватало глаз, на черной жиже покачивались лодки: широкие и плоские. Между лодками были перекинуты легкие мостки, и везде сновали самые разнообразные существа: энатокеты, астемы, зитироны... Первое, что бросалось в глаза – все они были очень похоже... и одинаково странно одеты. По большей части в штаны и плотные куртки в темно-зеленых и черно-коричневых пятнах... как само болото. Да и существа тоже были... неправильными. Криза не сразу поняла, что с ними не так... но вот у встречного энатокета огромные уши, краса и гордость его соплеменников, были настолько изорваны, что походили на уродливое кружево. Зитирону явно не хватало чешуи, у астема – перебит нос...

– Наше вам с кисточкой, вождь Лизун! – поприветствовал их кот, пестрый, как связанный из остатков шерсти носок.

– Откуда они тут все? – пробормотала Криза, у которой уже в глазах рябило от разнообразия существ, суетящихся на многочисленных палубах.

Где-то жарили мясо – у Кризы желудок дернулся от пьянящего запаха. К запаху мяса добавился аромат свежееиспеченного хлеба... и все перебила вонь от варева, которое мешал в котле... настоящий сыроед! А говорили, их не осталось...

– Кто откуда. – ответил Тат. – Зитирон, который больше не может быть воином, коненот без ноги... Все, кому в собственном племени не нашлось места.

– А возглавляет это сообщество безухих энатокетов и безносых астемов змей без крылатого облика! – насмешливо хмыкнула Криза. Если все здесь такие страдальцы как Татльзвум... то вот нисколько не жалко!

– Наш атем не совсем безносый, просто нюх нарушен. По атемовым меркам. Но нам сгодился. – неожиданно мирно сказал Татльзвум, перепрыгивая вместе с Кризой на корму первой же лодки.

Она покачнулась, чуть не стукнувшись коленом обо что-то... что-то... И замерла, в ошеломлении глядя на это самое «что-то».

– Это... мотор! – протягивая руку, ошеломленно прошептала она. – Ты... торгуешь с миром людей? – она оглянулась туда, сюда... мотор был и на лодке слева. И на лодке справа. А одинаковая одежда кажется называется... кафуляж? Или нет... о, ка-му-фляж! И уже уверенно закончила. – Ты торгуешь с миром людей! А если... хортицкая ведьм узнает?

Скандал она устроит Айтварасу Жалтису! Или самой Табиты, и... будет в своем праве! Ирий отвечает за всех, неважно, изгой они или вообще... официально признаны утонувшими в Молочной!

По лицу Тата пробежала досадливая гримаса: кажется, он не ожидал, что она опознает мотор.

– Не узнает: у нас достаточно человек, чтоб мне не приходилось встречаться с ней лично!

– Ты что... торгуешь... с ней? Вот прямо с ней, Ирккой Хортицей, с которой ты... которая тебя... – Криза чуть не споткнулась на мостках на следующую лодку, и поглядела на Татльзвума с суеверным ужасом. Он ответил издевательской ухмылкой.

– Ну что ты, нет, конечно же. Не с ней... – и прежде, чем Криза успела выдохнуть, издевательски закончил. – С подружкой ее, Танькой. Да и зачем искать кого-то другого, если и эти отлично платят и не задают лишних вопросов? Полагаю, они даже и не знают, что товары болота и в Ирии – на вес золота! Но ты получишь бесплатно... если, конечно, справишься с лечением до рассвета. – закончил Татльзвум, снова подхватывая ее за талию и переставляя на следующую лодку.

И вот теперь Криза чуть не грохнулась.

– Но... – цепляясь за бортик, пролепетала она. – Я не смогу ничего сделать до рассвета! Слишком мало времени, я не сумею, это невозможно...

Проклятый Татльзвум, а она только понадеялась, что они договорятся! В конце концов, она даже попробовала бы вернуть ему драконий облик... ну, по крайней мере, пообещала бы... что угодно пообещала, лишь бы отпустил... а там, потом уже... разберемся! Но до рассвета?

– Я не смогу ничего вылечить до рассвета! – завопила она...

Но Татльзвум снова подхватил ее – и как тюк, сунул в «плетенку», заменяющую на здешних лодках каюту.

– А ты очень-очень постарайся! – вслед угрожающе процедил он и позади нее опустилась плетеная занавеска.

Криза замерла, моргая на яркий огонь электрического фонарика. В «плетенке» пахло... болезнью. Болью, жаром, кровью... гноем.

– Кого еще он притащил? – раздался плачущий мальчишеский голос, фонарик дрогнул, когда его подхватила тонкая, почти детская рука, и Криза увидела!

Старую никсу на ярком матрасе из мира людей. Никса лежала, закрыв глаза и тяжело дыша, а запрокинутое лицо ее блестело от пота. А там, где человеческие бедра переходили в толстый чешуйчатый змеиный хвост, виднелась широкая, судя по запаху, пропитанная какими-то травами, повязка.

– Ты привел меня... к ней? – ошеломленно пробормотала Криза... и тут же яростно заорала. – Какого деймона молчал, когда у вас пациентка в таком состоянии? – и обеими руками вцепившись в яркий матрас, с истинно драконьим рыком поволокла его наружу вместе с обморочной никсой.

– Ты куда... что... – кажется, мальчишка пытался ее остановить и даже в тюфяк вцепился. Это он зря. Весь Ирий знает, что останавливать кирию Иппокризию, главного лекаря Змеевых Пещер, не рекомендуется. Опасно это – для здоровья. Никто потом от такого не вылечит.

Мальчишка по-мышинному пискнул и куда-то отлетел. Криза вывалилась на палубу, волоча тюфяк за собой.

– Свет! – рычала она. – Мне нужен свет! И не один фонарик, а...

Откуда-то возник ее лекарский саквояж – она громко и зло щелкнула замочками и вооружившись новехоньким скальпелем, вспорола повязку.

– Прадедушка Асклепий с пратетушками Гигией и Панацеей! – охнула Криза, раздвигая заскорузлые тряпки. В нос ей ударила вонь. – Та-ак... – зловеще протянула она, а руки ее при этом словно жили своей жизнью. Флакончик антисептика, тоже из мира людей – на руки. Пакетики с запаянными в непроницаемую оболочку скальпели – достать... – Когда она поранилась? – отрывисто спросила она.

– Седмицу назад. – ответил Татльзвум. Криза скользнула по нему рассеянным взглядом, обнаружила рядом, с ее собственным саквояжем, распахнутым наизготовку... и вернулась к пациентке, принявшись обрабатывать операционную зону. – Макровиту нашему рану на бедре

обрабатывала, а он ногой как дернет... ее через бортик и перекинуло. А там пока вытащили – на хвосте глазастик висит, зубищами впился...

– Моторы у людей закупили, анестезию взять – не догадались? – отрывисто спросила она, не отрывая глаз от раны.

– Тут свои средства, Ашша к ним привыкла...

– И они не сработали. – хмыкнула Криза, распечатывая скальпель. Что ж, материал об особенностях даров болота уже накапливался: тут есть средства обезболивания, и они слабо действуют на макровитов.

Она всадила скальпель в длинный, чудовищно воспаленный, так что аж чешуя вывернулась, рубец на хвосте старой никсы.

– Ты что делаешь! – завопил мальчишка и попытался кинуться на Кризу.

– Митроха, стой! – Тат уронил саквояж, хватая размахивающего руками мальчишку в охапку.

– А ты, стало быть, ученик. – скользнув равнодушным взглядом по бьющемуся в руках Татльзума мальчишке, Криза ногой подтянула какую-то плоску... и принялась спускать гной из раны. Во все стороны полетели брызги – кажется, в плоске был бульон. Горло у Татльзума судорожно дернулось, и он брезгливо отвернулся. Мальчишку, впрочем, не выпустил. – А скажи-ка мне, ученичок, кто тебя учил зашивать необработанную рану? – и она принялась рану расширять.

– Я обработал! – запальчиво выпалил Митроха. – Я мухами толчеными присыпал, и мох положил, и...

– Угу, угу. – согласилась Криза. – Выходит, не такие уж они чудодейственные, эти ваши болотные мухи, да, Татльзум? Чуть не уморили девочку... – и она принялась удалять омертвевшие края раны.

– Безголовая какая-то! – возмутился Митроха, впрочем, перестав брыкаться. – Лизуна нашего непонятным именем зовешь, старую Ашшу девочкой обзываешь... Какая она тебе девочка: ей сто двадцать зим недавно стукнуло, а тебе?

Иппокризия, дочь Гиппократы, давно переставшая считать года и отмечавшая исключительно столетия, хмыкнула: из раны, наконец, перестал течь гной, сменившись густой темной кровью.

– Фонарик подыми! И держи выше! На руки мне свети! И учти, мальчик – первого потерянного пациента мы помним всегда, сколько бы... веков не прошло. Но у тебя им могла стать твоя наставница.

– Я не... я не...

– Ты – да! – безжалостно отрезала Криза. – Чуть не угробил свою Ашшу. На руки светить, сказала! Не рыдать во время операции! Тампон давай! Вот это... тампон... Не руками, щипцами! Держи здесь! Руки дрожать не должны – никому не интересно, как ты этого добьешься, не должны и все! И та, которая с фонариком, тоже не должна!

– Я фонарик возьму! – подобранный сбоку Татльзум перехватил фонарь.

Криза насмешливо поглядела на бледного, судорожно сглатывающего слезы мальчишку. Да, мой милый, вот так: пока учишься – и ошибок наделаешь, и унижений от старших досыта наглотаешься... а если такой нежный, что не выдержишь, в лекарях с такими нервами делать нечего. Вон, в наемники иди... или еще куда...

– Вот так, правильно! – наблюдая за неловкими, но старательными движениями мальчишки, скупно одобрила она, добывая из саквояжа кривую иглу. – Теперь... и только теперь, можно шить. Потом я ей еще антибиотики вколю... Хорошо, что у меня хотя бы драконья подборка всегда с собой! Для никс вообще-то специальные нужны, но можно подумать, кто-нибудь мне сказал, что они понадобятся!

– Можно подумать, если б я просто сказал – ты бы пошла! – мгновенно поняв, кто такой этот загадочный «кто-нибудь», парировал Татльзвум.

– Сама – нет, ученицу бы отправила, она бы не хуже справилась. А ты держи тампон, ученичок! Лет десять держи, а только потом – оперируй! – отрезала Криза, всаживая специальную иглу для чешуйчатых пациентов в шкуру никсы. Конечно, явись Татльзвум в Пещеры открыто, дальше стражи он бы не прошел, и вряд ли ему позволили говорить с Кризой. Вряд ли его вообще стали бы слушать, а если и стали – для никсы было бы поздно. Криза поджала губы: не ее проблема! Ее проблема... И вот тут она поняла, что у нее... у них всех проблема. – Фонарь! – заорала она на Татльзвума. – Фонарь погаси, быстро!

Щелкнул рычажок, свет погас, она запрокинула голову...

– Опять! Опять пропустила!

Темноту над болотом рассеивало слабое, блеклое зарево... предвестник приближающегося рассвета.

– Иголку! Иголку держи! – завопила она, тряся рукой.

– Что? – растерянно переспросил Татльзвум.

– Держи-и-и! – взвыла Криза, чувствуя, как утекают последние мгновения.

И он, наконец, неуверенно сомкнул пальцы на игле.

Криза вскочила. И ринулась к бортику. Быстрый, раскачивающийся бег... оттолкнувшись от бортика лодки, она... прыгнула!

– Куда, безголовая, сожрут! – отчаянно заорал Митроха.

Краешек тусклого от болотных испарений солнца проглянул над черным горизонтом.

Казалось, на краткий миг тонкая девичья фигурка в вихре развевающихся темных волос зависла в прыжке... подернулась смутной дымкой и...

– Драко-о-он! – пронесся над болотом заполошный вопль. – Змей! Бегите-е-е! – и на лодках воцарился Бедлам.

– Стоять! Всем стоять! Не сожрет вас этот дракон! – голос вождя Лизуна, сейчас как никогда похожий на трубный рев Татльзвума Ка Рийо, дракона из личной боевой тройки Великого Водного, перекрыл вопли, придавив панику, точно пламя – толстым одеялом.

Громадные крылья хлопнули, и красно-белая драконица заложила вираж над болотом, так что шипастый хвост вспорол черную жижу. Опустилась на верхушку скалы, небрежно стряхнула с хвоста вцепившегося в кончик гластика... и вытянула длинную шею к самой лодке с распростертой на палубе пациенткой.

– Ну что замер? Зашивай! – обдавая горячим дыханием, шепнула она.

– Я? – не понял Татльзвум.

– Тут есть кто-то еще? – иронически поинтересовалась драконица.

– А... – Татльзвум покосился на Митроху, понял, что будет большой удачей, если тот хоть тампон в дрожащих руках удержит... и принялся шить.

– Саквож я вам оставлю. Антибиотики вколоть, рану обработать... и ради Асклепия... или Табити... или кого угодно – обойдитесь без толченых мух! – обнюхав старую никсу, удовлетворенно фыркнула драконица. – Понятия не имею, как оно вместе с антибиотиками... и проверять на пациентке не советую! – драконица расправила крылья.

– Я проведу тебя через туман. – задирая голову, сказал Татльзвум.

Изогнув шею, красно-белая змеица поглядела на него скептически.

– Это болото, Криза! – с видом утомленного ученической тупостью учителя, вздохнул Тат. – Хочешь весь день лететь не к краю, а вглубь, а к вечеру рухнуть прямо зубастикам в пасть?

Драконица мгновение подумала и равнодушно обронила:

– Заподозрю что-то неладное – сброшу!

И спустила вниз хвост, позволяя человечку... да-да, человечку... взобраться ей на спину.

Хлопнули громадные крылья – и крылатая змеица взмыла в воздух, унося на себе седока. Замершие на лодках существа еще долго, завороженно глядели вслед... и засуетились. Мостки начали скатывать, будто тюки тканей. Застрекотали моторы.

Планируя на широко распластанных крыльях, красно-белая драконица заложила вираж и опустилась на поросший ярко-зеленой травой влажный луг. Под лапами хлопнуло. Седок соскользнул по бронированному боку и ловко приземлился на ноги.

– Как хорошо летать! – запрокидывая голову, тоскливо пробормотал Татльзвум Ка Рийо. – Пусть даже так...

Драконица промолчала.

– Здесь все, что я обещал. – он бросил к когтистым лапам туго набитый мешок. – Жабьи шкурки, давленные мухи... мази, настойки, присыпки... Исследуй, сколько хочешь! А захочешь еще... приходи. – он повернулся и направился по лугу прочь, туда, где сочная зелень сперва темнела, переходила в налипающий на ноги густой перегной, а потом и сменялась вязкой черной жижей. Издалека донесся слабый стук лодочного мотора.

– Сюда? – подцепляя мешок когтем, спросила она.

– Зачем сюда? В приемную торгового дома «Болотный» в человеческом мире. Открывается через две седмицы! – откликнулся он. – И да, выяснять у тамошних человеческих служащих что-нибудь про нас – бессмысленно. Они не знают.

– А ессли я приведу других змеев и мы поищшем тебя и твоих на болоте? – вслед ему прошипела драконица.

– Ты сперва само болото найди. – не оглядываясь, безразлично пожал плечами он. – Будет забавно наблюдать, как вы нас ищите. Особенно в тумане. Но тогда в торговый дом не приходи. Не примут. – жестко закончил он.

– Вожшшшдь Лизун! – шумно фыркнула она.

Он только передернул плечами. Она смотрела как он удаляется – высокий, стройный, с до отказа, до боли расправленными плечами. И вдруг остановился, и бегом кинулся назад. Подскочил, ухватил ее обеими руками за морду – отдернуть она не успела.

– Теперь ты же не считаешь меня эгоистичным, бесполезным змеишкой?

Драконица долго смотрела на него – узкий золотой зрачок в ее глазах то расширялся, то сужался – и наконец прошипела:

– Счшшшшитаю! – и захохотала при виде его ошарашенной физиономии.

– Почему? – приседая от поднятого ее хохотом ветра, заорал он.

– А как ты думал? Одно-единственное доброе дело сделал, мешок мух подарил... и все? Все забылось? Думал, да?

По выражению его лица было понятно – да, думал.

– А напрассно! – с написанным на морде явным удовлетворением, ответила она. – С чего бы вдруг?

– Мои болотники меня бесполезным не считают. – пробурчал он.

– Вот ссс них и спрашивай! – отрезала она. – А ко мне... больше не приходи. Змееныш...

Стук мотора стал громче, и узкий челнок с сидящим за рулем астемом, ткнулся в заболоченный берег. Тат повернулся и побежал к челноку: быстрее, быстрее, едва касаясь вязкой жижи... длинный прыжок, челнок качнулся – и вот же дает задний ход, и ползет обратно, вглубь болота.

– Эй! Вождь Лизун! – набрав в грудь воздуха, прогудела драконица. – Лет через двадцать... когда разбогатеешь... прославишься... помирись с родней... хотя для этого тебе понадобится самое меньшее Ирий спасти... пару раз... Так вот тогда... тоже не приходи!

Напряженно застывший на носу челнока Татльзвум покачнулся, едва не кувыркнувшись в воду, и сложив ладони рупором, проорал в ответ:

– Почему?

– Потому что я взрослая женщина! Старая даже! И не собираюсь... тешить подростковые амбиции змейчиков!

Челнок пошел на разворот – заложил круг по черной воде...

– Двадцать? – проорал Татльзвум Ка Рийо. – Ты недооцениваешь меня, кирия Криза! Я приду через пять! И... я хорошо отношусь к старушкам!

Черная жижа вскипела и челнок умчался прочь. Скоро и стрекот мотора пропал в наползшем тумане.

Драконница фыркнула, по-гусиному захлопала крыльями... и поднявшись, полетела на пики Змеевых гор, мерно тлеющих на горизонте пламенем вулканов. Сейчас надо найти хорошую теплую скалу – и наконец-то выспаться. Потом разобраться с подарками и... чем Ермунганд не шутит, когда Шешу спит? И впрямь подумать: если разорванные нервные волокна отрезают оборот в дракона, то... вдруг их можно срастить обратно? С этой мазью на мухах, например... Глядишь, и получится? Лет за пять...

Зимняя свадьба

– Какие же они... какие... – прошептала девушка, и не найдя должных слов, восторженно засмеялась.

Шествие пестрой рекой текло по мостовой меж берегами тротуаров.

«Кентаврогусары» – на талии одетых в гусарские мундиры и кивера усачей держался каркас «коня». От галунов и блесток на мундире слепило глаза, плюмаж на кивере был такой пышный, точно целому страусу хвост выдрали. Закрепленный у гусара на бедрах синий атласный конь тряс гривой пестрых лент, гордо задирает плюшевую башку, будто становясь на дыбы, присаживался перед хорошенькими зрительницами, словно предлагая взобраться «блестящему» гусару за спину и ускакать в неведомую даль. И тут же начинал шутовски трясти разноцветным хвостом и с ехидным ржанием мчался дальше. Физиономия волочащего на себе пеструю конструкцию «всадника» оставалась невозмутимой, будто и не он все это проделывал, а лошадка сама, сама... ай, плохая лошадка!

За кентаврогусарами скакали кентавроковбои в широкополых шляпах, отделанных низками разноцветных бус, куртках с пестрой бахромой, и с «лошадьями» еще более пестрыми и наглыми. Один наяривал на банджо, остальные отплясывали что-то в стиле кантри, в такт стучащая друг об дружку матерчатыми крупами «коней», и опять: грива-хвост-руки-ноги, отступить, потрясти и трам-тара-рам!

– Арррррр! – вышагивающий следом дракон размером с одноэтажный дом остановился, пошевелил крыльями, рывками наклонил длинную шею, распахнул зубастую пасть и... – Арррррр! – клуб вырвавшегося из его ноздрей дыма окутал выстроившихся вдоль улицы зрителей, а в пасти замельтешили алые отсветы.

– Ии-и-и! – стройная девушка в черной меховой курточке с глубоким капюшоном радостно захлопала – лицо ее светилось восторгом. – Ты видел? Дракон, настоящий дракон! – поворачиваясь к обнимающему ее за плечи парню, воскликнула она.

Дракон пыхнул дымом еще раз и покатил дальше, довольно стрекоча мотором трактора, спрятанного под метрами картона и раскрашенного брезента. Раздалось задиристое «ку-ка-ре-ку!» и над толпой вознесся сверкающий золотой фольгой петух на выкрашенных в красный, под цвет петушиных лап, ходулях. В толпе, раздавая пестрые леденцы детям, скакали здоровенные, в человеческий рост, обезьяны и мыши, тигры и ничуть не уступающие им в размерах коты. На поводках водили фигурно подстриженных и украшенных лентами собак и таких же обвешанных украшениями и даже разрисованных свинок. Мимо нарядных, как игрушки, старинных домов катил фанерный броневик с приветственно машущими «масками» революционных вождей, на открытой платформе грузовичка компания развеселых чертей и ангелов наяривала отвязной рок, а мальчишка в костюме шута гулко бил в громадный, вдвое больше него, барабан. Маршировали солдаты в самых необыкновенных мундирах – увешанных гирляндами бус и изукрашенных розетками с маленькими круглыми зеркальцами в чашечке бумажного цветка. Зеркальца, закрепленные вместо погон, сверкали под ярким зимним солнцем, разбрасывая блики на брусчатку мостовой и восторженные лица зрителей.

– Тебе нравится? Не зря приехали? – парень наклонился к самому уху девушки, перекивая бухань барабана и пронзительное завывание дудок.

– Да-да-да! – прокричала она, хлопая очередной карнавальной платформе. Тракторные моторы прятались под муляжами кокетливых овечек из картона и кудлатой шерсти, а на платформе размахивали увитыми лентами топориками пастухи в козушках и высоких шапках и звенели монистами девушки в расшитых бисером безрукавках. Перед платформой, неся на плече табличку с надписью «Село Вашкивцы, Выжницкого р-на, Черновецкой обл.» шествовала «невеста» – обряженный в фату и пышные юбки усатый парень. – А почему столько

невест? – провожая глазами еще одну «невесту», на сей раз женского полу, но зато со встрепанными волосами из пакли под фатой и накладным крючковатым носом.

Парень только пожал плечами.

– Потому что Маланка – это свадьба! – пожилой... назвать его привычным «пожилой мужчина» казалось даже стыдным, так и просилось «пожилой господин», в старомодно-элегантном пальто с меховым воротником обернулся к девушке, чуть коснулся мягкой шляпы – то ли приветствовал, то ли извинялся за непрошенное вмешательство.

– Чья? – девушка запрокинула голову – господин был высок. На личике ее было написано любопытство настолько детское, что собеседник невольно расплылся в улыбке – как при взгляде на счастливого ребенка.

– Считается, что Маланки и Васыля. – сообщил он. – Переберия, она же черновицкая Маланка, исторически проходила со дня святой Меланьи на день святого Василия, а не как сейчас – ближайшие выходные к Старому Новому году. – мужчина чуть заметно поморщился. – Хотя в этот раз повезло – даты совпали, вот и стараются ребята. – он кивнул в сторону шествия.

– Переберия? – заинтересованно переспросил парень.

– Старый Новый год? – брови девушки удивленно взлетели.

– Запасной. – очень серьезно ответил ей парень. – Для таких как мы с тобой, кто не смог Новый год вместе встретить.

Мужчина весело расхохотался.

– Что такое «переберия» все приезжие спрашивают, но чтоб спросили, что такое Старый Новый год... – он удивленно помотал головой.

– Я совсем издалека приезжая. – улыбнулась девушка. – У нас такого не бывает! – она не отрывала сияющих глаз от шествия.

– Потому что у вас не бывает зимы. – хмыкнул парень. – Замерзла? Зайдем в кафе?

– М-м, я не хочу уходить! – скорчила капризную рожицу девушка.

– А кофе со сливками? – интригуяще шепнул парень.

– Кофе со сливками я всегда хочу! – явно разрываясь между желанием досмотреть шествие и выпить кофе, опечалилась девушка.

– Здесь уже заканчивается – еще две-три команды маланкарей и все! – вмешался мужчина. – А выступления на площади начнутся не раньше, чем часа через два. Бегите скорее, сейчас все кинутся греться. Рекомендую «Гранд-кафе» или «Венское», там самый лучший кофе! – плотно затянутой в перчатку рукой он указал в сторону пешеходной улицы.

– Спасибо! – хватая девушку за руку, парень принялся проталкиваться сквозь толпу, торопясь выбраться раньше, чем увлеченный зрелищем монолит рассыплется на парочки и группки, жаждущие горячего глинтвейна со специями, скворчащих колбасок, хрустящих, с пылу-с жару вафель, политых пузырящимся шоколадом, воздушных пирожных, ну и кофе, конечно же, кофе! Они перебежали отгороженный полицейскими машинными пустой перекресток – больше потому что бежать было весело, а не из страха упустить столик в кафе. Вот чего-чего, а кафешек тут множество: не в одну, так в другую!

– Гей, хлопче, купи дивчине згарду! – окликнули их от лоточка с разложенными на нем блестящими медными украшениями. Заинтересовавшаяся девушка немедленно потянула туда своего парня. – Настоящие, гуцульские! – с гордостью сказал средних лет мужик с навеки въевшейся под ногти металлической крошкой. И тут же смутился. – Не, ну как настоящие, копии, конечно, но все с музейных экспонатов, сам делал! Есть дукачи... – он поднял шнурок, на который были нанизаны зеленые камешки вперемешку с монетами с пухлым императорским профилем. – А есть и згарды! – и наклонился над лоточком, перебирая неровные, словно бы неаккуратные, темные медные крестики, соединенные такими же медными витыми пружинками. – В старину первый такой крестик на рождение дарили, а дальше собирали по одному,

чтоб как заневестится девка, полная згарда была. Невесте без згарды никак не можно! Вот эту бери! – протягивая низку из двух рядов, выглядящую как-то уж совсем дико и просто, предложил мастер. – С самой древней згарды копия, из археологических раскопок. Лучший оберег!

– А цена – будто это она самая, из раскопок, и есть. – проворчал парень, но деньги тут же отсчитал, вложив подарок в руку девушке. – Пошли, в кафе наденешь!

– Все-таки очень непохоже на ваши города! – девушка запрокинула голову, разглядывая дома величественные и роскошные, будто в какой-то из старых имперских столиц: Вене или Петербурге, и в то же время – небольшие и уютные. Эдакий «имперский шик» в миниатюре, действующая модель.

– Так мы были частью Российской империи, а они – Австрийской, конечно, разница в стиле есть. У нас ты и четверти не найдешь того что было, все в Великую Отечественную разбомбили, а тут практически все уцелело. – покачал головой парень. – Ну еще у нас промышленные города, а здесь... – на губах его появилась снисходительная усмешка. – Заповедник девятнадцатого века! Туристов больше чем местных, кофепровод – главный источник дохода. Приехать вот на такое празднество, посмотреть... забавные пляски туземцев, съесть пирожное – и обратно, в реальную жизнь.

Шедшая навстречу компания из пяти молодых ребят остановилась, поглядели вслед удаляющейся паре, переглянулись... и неторопливо двинулись за ними. Парень с девушкой ничего не заметили.

– Тут останемся? – открывая застекленную дверь, спросил парень. Навстречу им выплеснулся негромкий гомон голосов.

– Да-а! Оказывается, я замерзла. – простучала зубами девушка, чуть ли не вприпрыжку бросаясь по уводящей наверх винтовой лестнице. Увешанная шариками крохотная елочка на старинном пианино, портреты последнего австрийского императора на стенах, укрытые вышитыми скатертями столики. Парочка забралась на мягкий диванчик в углу, девушка еще пару минут подрожала, потом вздохнула и видно, согревшись, принялась выпутываться из своей меховой курточки. Она откинула мягкий капюшон... и стало понятно, почему тот не падал, даже когда она задирала голову, разглядывая фронтоны старинных зданий. Поток золотых волос, особенно ярких на фоне черного меха, рухнул из-под капюшона, окутав девушку чуть не до самых щиколоток.

– Мама, это Рапунцель, смотри, мам! – позабыв даже про пирожное, завопила какая-то девчонка, чуть не подпрыгивая на стуле. Родители обернулись, собираясь утихомирить чадо, и тоже в удивлении уставились на струящиеся до пола волосы, гладкие и вычесанные, будто их и не заталкивали под капюшон.

– Извините ее. – наконец пробормотала мать семейства. – Но у вас и правда... совершенно необыкновенные волосы.

Девушка чуть кивнула, принимая извинения, и было в этом ее кивке что-то такое, после чего говорливая мамаша, которой аж пекло узнать, как такие волосы отрастить, и каким шампунем мыть, и не мешают ли они... вдруг прикусила язык и строго шикнула на ребенка:

– Не приставай ко взрослым!

А девушка закопалась в страницы меню, как деловитый еж в газеты, бормоча, точно заклинания:

– Гранд мокко, гранд латте, фраппучино... торт «Эстергази»...

– Давай нацепим твою згарду, будешь того... гордиться! – усмехнулся парень. Девушка повернулась к нему спиной, отвела волосы... Темная полоска украшения легла на гладкий серебристо-серый свитер, странно контрастируя с маленькими золотыми сережками тончайшей работы, явно стоящими как три таких згарды. Парень наклонился к ней, сосредоточенно пытаясь закрыть замочек – соединить два кружочка с простым орнаментом. Его дыхание шеве-

лило выбившуюся из-за уха золотую прядку. Наконец, замочек закрылся. – Ну ты как? – не спеша убрать руки от ее волос, шепотом спросил он.

– Вот сейчас – совсем хорошо. – также шепотом ответила она и едва заметно потерлась щекой об его руку. Он долго прерывисто вздохнул и с явным усилием заставил себя отстраниться и сесть на место. Тогда она сама пододвинулась поближе и прислонилась к нему. Он подождал мгновение, точно боясь, что она передумает, и бережно обнял ее за плечи. – А ты как? – шепнула она.

– Вот сейчас – совсем хорошо. – утыкаясь носом ей в волосы, повторил он. – Да и что со мной делается.

– Клянусь Владычицей, и правда, всего лишь пол-руки, пол-ноги... уцелело. Хорошо хоть голова вся целиком осталась. – уголками губ усмехнулась девушка.

– Ничего не пол...

– Треть? Или четверть?

– Не нагнетай панику! А кто из наших... или из ваших вообще уцелел, в смысле, так вот чтоб совсем целым остаться? Ха-а-арошую нам встряску Иркин папаша устроил!

Девушка поежилась, словно снова замерзла:

– Да уж, встряску... Видит Владычица, а я ведь не верила, что выживем. Думала, все там и поляжем.

– Ну выжили же. – пожал плечами он. – Хоть и не все. – он помрачнел, но тут же встряхнулся. – Еще месяц-два и у нас по заставам все наладится. Учиться я, правда, пока не поеду – людей не хватает, но отложить – не значит отменить. – бодро закончил он. – Обещаю тебе настоящий венский кофе – который в Вене!

– Давай пока этот пить! – девушка подскочила – поднос в руках официантки навис над столиком и рядом с ней появился здоровенный прозрачный бокал с целой башней из шоколада, цукатов и сливок, громоздящейся над кофе, а следом одна за другой – тарелочки с пирожными, и с украшенными фруктами булочками, и еще с чем-то таким же сахарно-сливочным.

– И куда в тебя, худющую, столько помещается? – с научным любопытством сравнивая тонкую, как камышина, девушку, и заставленный стол, поинтересовался парень.

– Я могу показать – куда, но боюсь, вся застава во главе с дядькой Мыколой будет против. – она отправила в рот ложку сливок и зажмурилась от удовольствия.

– А они сюда приезжают из своих промышленных городов на наших... туземных харчах отъедаться! – произнес глумливый голос.

Парень досадливо поморщился – надо же, слышали, неловко вышло! – и поднял голову. Прижав поднос к груди, точно рассчитывая спрятаться за ним, у завешанной старинными фото стены застыла бледная официантка. Уйти она не могла – ее аккуратно, не прикасаясь и даже демонстративно держа руки в карманах блокировали два амбала. Просто стояли они так, что обойти их официантка никак не могла. Компания еще из трех парней столпились вокруг столика и все трое жадно глядели на девушку.

– Слышь, красавица... – оглядывая заставленный стол, наконец протянул один – высокий, худой, он походил бы на скрипача, если бы не бегающий взгляд. – Бросай ты этого козла и пошли с нами! Мы тебя хоть накормим нормально! Мя-я-сом...

Его приятели противно загоготали, только блокирующие официантку амбалы молчали, равнодушно глядя в сторону.

– Андрей... – предостерегающе сказала девушка, кладя ладонь на его руку. – Ты же понимаешь, что мы ничего не должны делать.

– Это ты не должна. – процедил парень.

– Эй, слышали? Чего такого его девка должна была с нами сделать? – немедленно подхватил прыщавый юнец лет пятнадцати.

– Она будет громко визжать, чтоб он успел под стол спрятаться. – прогудел третий – с круглым и мягким, как старая диванная подушка, лицом.

– Оставьте молодых людей в покое! – чуть подрагивающим голосом вмешалась мамаша за соседним столиком. Ее маленькая дочь испуганно выглядывала из-за чашки с шоколадом. – Как вам не стыдно! Мы приехали любоваться вашим городом, а вы, его жители, так себя ведете!

– Век бы вас не видеть, понаехали, баблом своим тут размахиваете, типа, вы такие крутые, из промышленных городов, а мы тут никто! – вспыхнув так, что хоть прикуривай от него, проорал худой. – Проваливайте, никто не расстроится! Чемодан-вокзал... – последнее слова он заменил взмахом руки: дескать, ну и дальше валите, откуда вы там.

Подпирающие его с боков приятели поглядели на него удивленно – будто он сказал что-то не то.

– Девчонок наших по ресторанам водите, так они потом с местными парнями и гулять не хотят, нищие мы для них! – несколько невпопад подхватил прыщавый.

– Короче, восстановим справедливость! Твоя блондинка сегодня с нами гуляет! – толстый протянул руку, его пальцы зависли над ладонью девушки... и замерли, не дотянувшись пары сантиметров – ее спутник перехватил его за запястье.

– Руки убрал! – сквозь зубы процедил он.

– Сам убрал! – взвизгнул толстый. – Пока мы тебя тут не отметелили! Думаешь, тебе кто поможет? Это наш город!

– Что ж вы его позорите? – вскочила мамаша. – Все, я звоню в милицию... в полицию!

– Мама, мамочка, я боюсь! – из глаз ее дочки брызнули слезы, она судорожно вцепилась матери в руку.

– А ну-ка убирайтесь отсюда, идиоты! – отрывисто, как удар хлыста, стегнул гневный мужской голос, и троица у стола замерла, будто окаменев. Зато удерживающие официантку амбалы враз отмерли, дружно качнувшись назад... официантка рванулась, молнией проскочив между ними, с грохотом ссыпалась со ступенек, и тут же снизу зазвучал ее громкий испуганный голос и ответили другие тревожные голоса.

Буйная пятерка переглянулась... и тоже рванула к лестнице, мимо вошедшего в зал пожилого господина в мягкой шляпе и старомодно-элегантном пальто с пышным меховым воротником.

– Вали из города, слышь, ты, заезжий, и девку свою забирай! – снизу лестницы прокричал худой главарь.

– Убирайтесь, я сказал! – снова с яростью выкрикнул господин.

Внизу кто-то вскрикнул, затопотало, хлопнула дверь... и снова стихло, только растревоженным пчелиным роем гудели голоса посетителей.

– Право же, мне так неловко... так стыдно! – у господина даже нос заострился, а на скулах катались желваки. – Стыдно, что эти молодые люди – жители нашего города! Поверьте, у нас никогда... Это просто нелепая случайность! А может, они вовсе из какого-нибудь окрестного села приехали, хамы. И в такой праздник, в такой праздник! – медленно, словно сахар, растворяющийся в чае, злость уходила с его лица, сменяясь искренним огорчением. Мамаша за столиком даже покивала, каждым кивком сигнализируя: да-да, мы все понимаем, у самих есть такие проблемные молодые люди.

– По крайней мере, теперь понятно, почему его называют переберией. – пробормотал парень, явно несклонный к быстрому прощению и сочувствию.

На лице пожилого господина появилось выражение непонимания, потом он сообразил – и огорчился еще больше:

– Нет, нет, как можно! Я вам не успел рассказать, мы отвлеклись на Старый Новый год... Этот вовсе не от «перебрал», это от «убираться» – наряжаться, примерять убор. А «переберия», соответственно, переодевание, карнавал.

– Ну, практически, во всех человеческих культурах есть зимний карнавал. Даже в Бразилии. – хмыкнул парень.

– Конечно, вы правы! – с жаром воскликнул господин – глаза его мгновенно заблестели, тема была ему близка и интересна. – Но наша черновицкая Маланка – нечто совершенно особенное! Позвольте, я присяду? – не дожидаясь ответа, господин устроился за столиком напротив забившейся в уголок парочки.

Продолжая потихоньку расковыривать ложечкой пышную шапку сливок, девушка бросила на своего спутника быстрый настороженный взгляд и успела заметить появившуюся между бровями морщинку. Пожилой господин нравился ему все меньше и меньше. Сперва разговор на улице, теперь он появляется здесь – да еще так своевременно, будто по заказу. А господин тем временем продолжал с энтузиазмом рассказывать, не замечая напряженного молчания парочки:

– Возьму на себя смелость утверждать, что Маланка – древнейший обряд умиротворения духов зимы, оставшийся в неприкосновенности, почти таким же как тысячи лет назад, когда человек был беззащитен перед морозами! Вы знаете, что Маланка несколько раз исчезала и снова возрождалась? Первый раз еще в 19-м веке, в селе Вашкивцы местный граф сумел восстановить полузабытый обычай. Видели платформу Вашкивцев, ту, где все в масках? Между прочим, у них в селе сейчас своя фабрика масок! Маски на Переберии – первое дело, ведь они позволяют спрятаться от зимних существ, не дают им увидеть твое настоящее лицо, а значит, найти и заморозить. А зеркальца на костюмах? Если зимний дух к тебе подберется, то увидит не тебя, а себя, а значит, и заморозит тоже себя!

– Изобретательно. – смакуя пирожное, кивнула девушка.

– Не дураки были предки! – энергично закивал пожилой господин. – А еще...

– Простите... – парень остановил его взмахом руки. – Нам бы не хотелось опоздать на представление. Дин, ты доедай и...

– Ох, это вы простите! – господин аж покраснел, как вычитанный взрослым мальчишка. – Я просто влюблен в нашу Маланку и когда говорю о ней, становлюсь несколько назойлив. Тем более, моя платформа в первый раз участвует, и тут такая неприятность...

– Вам от нас что-то нужно. – напряженная складка между бровями парня исчезла: человек, разыскивающий их специально, выглядел гораздо менее подозрительно, чем любезный джентльмен, словно невзначай попадающийся на пути.

– Я же сам сказал вам про это кафе, вот и понадеялся... – их собеседник поглядел чуть виновато. – Вы... Как вас зовут? Очень приятно, Андрей, а я – Степан Петрович... Так вот, у нас тут не только Вашкивцы, все села со своей специализацией. Где-то кафель делают, а мы... – он приосанился, явно гордясь. – Шьем свадебные платья! Половина платьев, которые в салонах выдают за работы итальянских и французских дизайнеров, сшито у нас в селе!

Девушка неопределенно хмыкнула.

– Если они обманывают клиентов, мы не при чем, у нас все честно! – немедленно отрекся Степан Петрович. – Нам просто нужно немного рекламы: ну вы же видели какой популярный персонаж на Переберии невеста! Только у всех она смешная, а мы хотели показать настоящую зимнюю красавицу. Выбрали самую симпатичную девушку... и вот, пожалуйста, мне только что позвонили: она исчезла!

– Что-то случилось? – вздернул брови Андрей.

– Андрей, я вас прошу, это же Переберия! Веселится где-то... с кем-то... – он поморщился. – А у нее самая тонкая талия на четыре села! Ни на кого другого платье не налезет! Я совсем уже впал в отчаяние и тут... вы, Диночка! – он прижал руки к груди. – Я вас умоляю! Там целая команда маланкарей. Там карета! Там... лучшее из наших платьев! Вы в нем будете просто... царевна!

– Она и так царевна. – пожал плечами Андрей.

– Да-да, кто б спорил. – истово закивал Степан Петрович. – Вы гораздо красивей нашей первой модели, это будет фурор. Нам, можно сказать, даже повезло... если, конечно, вы согласитесь. Не только посмотреть Маланку, но и поучаствовать.

Дина отложила ложечку и с сожалением посмотрела на оставшиеся пирожные.

– Все с собой заберем! – немедленно вскричал Степан Петрович. – Официант... Соглашайтесь, милая Дина, я вас умоляю! Недаром же на вас згарда невесты. – он кивнул на украшение. – Это просто судьба!

Девушка прикоснулась к медному украшению... еще подумала... промокнула губы салфеткой и наконец кивнула.

– Ох! – новый знакомый не завопил «йахуу!», не запрыгал, пиная кулаками воздух от восторга, но почему-то казалось, что все это он проделал! – Вы не представляете... Идемте же скорее! – он подхватил Дину под руку и поволок к двери. Андрей только успел накинуть шубку ей на плечи. У брошенного стола официантка с большим бумажным пакетом в руках растерянно глядела им вслед.

«Действительно, самый популярный персонаж». – Андрей проводил взглядом очень даже славную, хоть и пухленькую невесту, дружески болтающую со Смертью в черном балахоне. Еще одна невеста прошествовала мимо на ходулях под неимоверно длинным прозрачным платьем – четверка клоунов тащила обшитый елочным «дождиком» шлейф. Он обернулся... и понял, что его спутники исчезли.

Ох, нет, вот они! Вдалеке, среди толпы блеснуло золото Дининых волос. С неожиданной для пожилого человека прытью Степан Петрович тащил ее по улице. Андрей тихо ругнулся, и пушечным ядром прошибая толпу, ринулся за ними. Вдогонку ему несли иногда смех, а иногда нелестные эпитеты. Наконец, прямо перед ним оказалась прямая, как у дореволюционного офицера, спина Степан Петровича, обтянутая дорогим пальто. Слобно почувствовав его раздражение, Степан Петрович оглянулся, мазнул по Андрею рассеянным, слегка безумным взглядом и требовательно бросил:

– Не отставайте! – понесся дальше, едва не переходя на бег. Динины каблучки звонко стучали по булыжникам двухсотлетней мостовой. Вихрем они миновали пешеходную улицу, снова проскочили перекресток, свернули направо, налево, чуть не улетев под очередной переделанный под платформу грузовик, и выскочили на площадь с эстрадой и выстроившимися кольцом палатками участников. – Уже народ собирается, скорее! – Степан Петрович ледоколом врубился в толпу. Следом за ним и Диной Андрей нырнул под расшитое бусами полотнище шатра.

– Девочки, я нашел! Вот она, наша невеста! – завопил Степан Петрович, выгалкивая Дину вперед.

Грустно сидящие у заваленного рулонами ткани, пучками перьев, россыпями бисера столиком средних лет женщина и молоденькая девушка вскочили, растерянно глядя то на него, то на Дину, то на Андрея – головы их поворачивались, как на шарнирах.

– Что вы стоите? Макияж! – Степан Петрович схватился за громадную коробку с косметикой, бросил, кинулся к стаканчику с расческами. – Прическа! Украшения!

– Так это... вместо Люськи? – пробормотала женщина и вдруг отмерла. – Степан Петрович, не трожьте аксессуары, мы потом не найдем ничего! И вообще, идите отсюда, у нас тут счет на минуты, а вы мешаете! Девушка, а вы сюда, ох, какие волосы, обалдеть, так, давайте побыстрому... А вы, кыш, кыш! – она замахнулась на мужчин пучком ярких лент. Степан Петрович еще пытался что-то возражать, что-то бормотать, но его неумолимо гнали прочь. Андрей усмехнулся, глядя как торопливо стаскивают шубку, сапожки, а заодно и свитер с невозмутимой Дины, застывшей с привычной неподвижностью постоянной клиентки портных, и вышел следом.

– Вас как зовут? – из-за полога шатра слышался шорох тканей и неумолчное щебетание. – А вы откуда приехали? Корсет, какой корсет, ослепла, что ли: тут еще в талии на пять сантиметров убирать придется! Вы манекенщица, да? Нет? Странно, а держитесь будто призывкли... Хотя мышцы такие... спортсменка или в тренажерку ходите? Фехтование? Ого! Ручку чуть повыше, пожалуйста... А это ваш парень? Спиночку прогните чуть-чуть, прямо на вас ушьем... Классный парень, вы как с ним познакомились? – в шатре вдруг воцарилась тишина, похоже, всем был интересен ответ.

– Сперва он пытался меня убить, но потом мой брат решил отрубить мне голову, и Андрей взял меня на поруки. – прозвучал в тишине спокойный голос Дины.

Степан Петрович изумленно покосился на Андрея, за пологом тоже повисло ошеломленное молчание... которое прервал сперва один робкий смешок, потом второй... и вот уже оттуда неслось сплошное хихиканье – кажется, слегка истеричное.

– Получили мы с тобой? Называется: не лезь в чужую личную жизнь! – фыркнула женщина. – Мы, вон... и так влезли, ребята наверняка хотели вместе побыть... небось в первый раз без родителей куда поехали.

– Я немножко старше, чем выгляжу. – как всегда спокойно ответила Дина.

В ответ снова хихикнули – несколько принужденно.

– Что с волосами делать? – начала девушка.

– Ничего. – бросила Дина.

– Но эту фату можно только на высокую прическу...

– Ничего не будем делать с моими волосами. – в голосе Дины звучал непререкаемый приказ. И опять пауза... Андрей усмехнулся: бедные дамочки. Даже от него любой спор с золотоволосой царевной требовал немалых душевных сил, а уж эти сходу проиграли.

– Конечно же ничего, такие волосы надо не прятать, а показывать! – энергично вмешалась старшая. – Но что-то все равно нужно для ансамбля: заколку со снежинкой... или цветок... Оуу! – раздался восторженный вопль. – Смотрите, вот так будет идеально!

Динин ответ, если он и был, потонул в громком, до боли в ушах, пении труб. Андрей оглянулся... за всей суетой он и не заметил, как празднество началось! На эстраде толпились официального вида человечки, объясняющие всем и каждому как сильно повезло празднику Маланки и городу, что они, эти самые человечки, у города есть. Толпа их заверения откровенно игнорировала, плясь исключительно на выстраивающиеся команды маланкарей.

– Я за экипажем! – Степан Петрович умчался, ловко лавируя в толпе.

Перекрывая еще пытающееся что-то говорить городское начальство грянула музыка – такая лихая, что казалось целый ковш радостного возбуждения опрокинули прямо в душу. Цепочка пастухов в лохматых безрукавках и высоких шапках и девушек в пестрых платках понеслась через площадь в бешеном хороводе, то и дело рассыпаясь на пары, выхватывая новых танцоров из зрителей и снова стягиваясь в пляшущую пеструю цепочку. Виляя сплетенными из лент хвостами коней, скакали ковбои и гусары, многочисленные невесты ехали на телегах, мотороллерах, ослах, их везли в строительных тачках, они швыряли в толпу букеты из лент, цветной проволоки и украшенные тесьмой и блестками веники. Толпа приветственно орала, хохотала, подпевала и притопывала.

– Коллектив дома культуры... художественный руководитель... – иногда пробивалось сквозь грохот музыки и очередная команда врывается на площадь.

За спиной послышался перестук копыт, Андрей обернулся – к их шатру подъехала открытая коляска, запряженная белоснежными лошадами с золотыми гривами.

– Гривы не трогайте – еле успели их покрасить. – выскакивая из коляски, нервно бросил Степан Петрович и дернул полог шатра. – Как вы, девочки? Следующий наш выход... – и замолчал. Мгновение тишины сменил благоговейный вздох. Андрей сделал над собой усилие, чтоб не оттолкнуть Степана Петровича с дороги – ну можно так испытывать терпение? Внутри

тоже решили, что нельзя. Преисполненные важности мастерицы вышли из шатра и встали у входа, а на порог шагнула сверкающая серебром и золотом тоненькая фигурка. Андрей молчал и смотрел на Дину.

– Ты... такая красивая... – наконец произнес он, почти ненавидя язык человеческий, за то, что в нем так мало слов, чтоб рассказать ей, какая она. И наконец выдал единственное, что пришло в голову. – Ты... как Снегурочка. – и мысленно застонал, понимая, что чушь все это, не то, не то...

Степан Петрович и старшая из мастериц дружно хмыкнули, а вот Дина улыбнулась светло и ясно – по его лицу и так все было понятно: и как много он бы хотел сказать и какими нелепыми и неуклюжими ему кажутся слова. Андрей протянул руку, она оперлась на его ладонь кончиками пальцев, Степан Петрович распахнул дверцу коляски, и Дина впорхнула внутрь. Мастерица протянула ей расшитую жемчугом крохотную сумочку, дверца захлопнулась. Кучер в старинной ливрее и завитом парике с косицей щелкнул вожжами, коляска тронулась. Андрей шагнул следом... Степан Петрович подхватил его под руку.

– Пойдемте, тут есть места для групп поддержки. – вместе с мастерицами они принялись пробиваться к небольшому отгороженному навесу. Они успели вовремя. Только отзвучала очередная лихая мелодия, отплясали – с присвистом и топотом каблучков – развеселые маланкари. Над толпой повисла пауза. Люди шумели, смеялись, переговаривались, кто-то покупал горячий глинтвейн. Шум чуть стих... и вот-вот должен был разгореться заново: дескать, почему не продолжают, все кончилось, что ли? Именно в этот момент зазвучала нежная, похожая на дождевую каплю старинная мелодия и в нее вплелся негромкий цокот копыт. Раз... раз-два-три... Девушки в белоснежных платьях и парни в пестрых гусарских доломанах влетали на площадь в стремительном скольжении венского вальса – и закружились как метель из снега и конфетти. А следом – открытая коляска, увитая настоящими, живыми цветами и лентами. Посреди этого бело-розово-сиреневого великолепия стояла девушка. Степан Петрович правду говорил о свадебных платьях из своего села – любой, хоть итальянский, хоть французский дизайнер отдал бы тут руку, что не нужна ему для шитья, лишь бы создать подобный шедевр. Пышную белую юбку, плотно, стежок к стежку, покрывала вышивка, рисунок которой повторял морозные узоры на окне. Сверху был накинут отделанный белым мехом по воротнику и рукавам серебристый жакетик, утянутый в талию – такую тоненькую, что казалось, ее можно обхватить двумя пальцами. И все это белоснежное великолепие разбивал плащ золотых волос, струящийся чуть не до самой земли и лишь едва прикрытый крохотной кокетливой шапочкой-снежинкой. Площадь дружно вдохнула... и так же дружно забыла выдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.